

Сергей ЗВЕРЕВ

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЙ

ОТВЛЕКАЮЩИЙ
МАНЕВР

Засекреченный

Сергей Зверев

Отвлекающий маневр

«Научная книга»

2005

Зверев С. И.

Отвлекающий маневр / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2005 — (Засекреченный)

Российский разведчик Сергей Круглов под видом представителя нефтяной компании прибыл в Ирак с непростым заданием. Ему нужно выявить источники финансирования и местонахождение террористической организации. Он уже пошел по следу, но вскоре узнал, что у него появился конкурент. Агент ЦРУ Алекс Бэр выполняет точно такую же миссию. Так почему бы им ни объединить усилия? Ведь террористы готовят экологическую катастрофу с применением оружия массового поражения. Помешать террористам, пожалуй, они смогут, главное, чтоб не мешали свои – похоже, в стенах русской разведки завелся «крот»...

© Зверев С. И., 2005

© Научная книга, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Зверев Сергей Иванович

Отвлекающий маневр

Глава 1

Ирак, Багдад, наши дни

Солнце опустилось уже довольно низко, когда колонна военных миновала президентский дворец, находящийся в одном из центральных правобережных районов Багдада Ат-Тахри. Колонна двигалась по улице Хайфа, в точности повторявшей изгибы Тигра – реки, разделяющей город на две почти равные части. У дворца улица изгибалась под девяносто градусов, меняя свое направление с северо-восточного на северо-западное. Это очень не понравилось Тому Спенсеру, управлявшему головным «Хаммером» с турелью крупнокалиберного пулемета на крыше. Низкое солнце теперь оказалось слева, светило в глаза, мешало обзору. Он переместил защитный козырек от потолка налево, к двери, но это не помогло – так низко он не опускался. Том в сердцах чертыхнулся и ударом вернул бесполезный козырек на место. Одно радовало: автомобильное движение по улице Хайфа было запрещено, так что смотреть Тому было особенно не на что. Сидящий рядом лейтенант О'Хара неодобрительно скосил глаза на водителя, ничего не сказав, вновь уставился в лобовое стекло, внимательно наблюдая за происходящим на улице.

Лейтенант был опытным воякой. Говорили, что он прошел все существующие горячие точки, имел кучу наград и ранений, но с военной карьерой у него почему-то так и не сложилось. Почему – никто не знал, а сам о себе он никогда и никому не рассказывал.

Когда колонна приблизилась к многолюдному рынку Ат-Тахри, О'Хара по рации отдал приказ замедлить движение: мало ли что.

На правой стороне улицы шумел восточный базар. Вокруг сновали люди, ругались, смеялись, торговались, воровали, обсчитывали. За рынком возвышался минарет небольшой мечети с блестящим в лучах заходящего солнца голубоватым куполом. На краю тротуара стоял местный полицейский, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок. Время от времени к нему подбегали люди, что-то говорили, отчаянно жестикулируя. Он в знак согласия лениво покачивал головой, не устаивая говорившего даже взглядом.

Лейтенант оторвал взгляд от торгующей толпы и перевел его на минарет. Что именно привлекло его внимание, он пока не знал... просто интуитивно почувствовал опасность. Для солдата любое возвышение – потенциальная опасность. И он не ошибся, на минарете что-то блеснуло. Лейтенант поднес к глазам бинокль – так и есть, снайпер! Он сорвал рацию с плеча и крикнул в нее:

– Колонна, стой! Противник справа. Цель – минарет.

Но было уже поздно. На минарете расцвела маленькая розочка выстрела, звука не было слышно. Хрустнуло лобовое стекло «Хаммера», и в нем, прямо напротив лица водителя, образовалось отверстие, обрамленное частыми трещинками. Последнее, что Том успел сделать в своей недолгой жизни, это выжать сцепление «Хаммера». Скорость он выключил уже будучи мертвым. Правая рука его так и осталась лежать на рычаге переключения передач, а голова, вернее то, что от нее осталось, упала на руль. Джип прокатился еще несколько метров и встал. Пуля снайпера попала солдату немного выше правого глаза, вырвав заднюю часть черепа.

Следующим выстрелом был ранен пулеметчик «Хаммера». Ему пуля пробила шею, и он, захрипев, зажимая двумя руками рану, рухнул на турель. Из бронетранспортера, следующего за «Хаммером», как горох, высыпали морские пехотинцы, моментально заняв оборону. Один

из них бросился было к джипу, желая помочь раненому пулеметчику, но снайпер не дремал – каждая его пуля находила свою жертву, и добрый пехотинец повалился на землю с простреленной ногой. Тем временем лейтенант О'Хара выскочил из джипа и на бегу что-то закричал в рацию.

На минарете снайпер менял оружие. Разминка с винтовкой была окончена, и на плече у него появился «Стингер»¹. Жало разворотило переднюю часть бронетранспортера.

От взрыва разорвало топливный бак «Хаммера», и он загорелся. В огне заживо сгорал раненый пулеметчик, помочь ему никто не смог. Возможно, ему повезло, и он умер еще до того, как его объяло пламя. Только после выстрела «Стингера» жители поняли, что происходит, и обезумевшая толпа рванула в разные стороны, давя друг друга. Многие не понимали, где более безопасное место, куда бежать, и поэтому бестолково метались из стороны в сторону.

Внутри бронированного тела танка «Абрамс», находившегося за изуродованным бронетранспортером, загудели гироскопы: наводчик, найдя цель, поворачивал огромную приплюснутую башню в сторону мечети. Люди шарахнулись с линии выстрела, перед пушкой остался стоять только маленький мальчик. Он, задрав голову и шурясь от солнца, с интересом и совершенно без страха разглядывал движущийся смертоносный хобот. Продолжавший говорить по рации О'Хара видел все это. Он бросился к мальчишке и, схватив его в охапку, потащил к толпе, стоявшей возле стены дома на безопасном расстоянии от танка. Мальчишка орал и брыкался.

Оглушительный выстрел 120-миллиметровой пушки поднял облако пыли и мусора, погнав его по опустевшей площади рынка, танк отпрыгнул назад. Земля содрогнулась, верхушку минарета разнесло в клочья. Притихшая, перепуганная толпа замерла, наблюдая за происходящим. Ну вот и все. Лейтенант стоял в толпе арабов с ребенком на руках, он так и не поставил его на землю. Он смотрел на их лица, они смотрели на него, и в их глазах он не видел ни осуждения, ни ненависти. Они видели, что солдаты лишь защищались, они видели, как рослый офицер спас ребенка если не от смерти, то от контузии точно.

Но тут в воздухе появились два вертолета «Апачи». Люди подняли глаза к небу. Лейтенант первым понял, в чем дело, он сам вызвал вертолеты, но теперь их помощь не требовалась. Он вновь сорвал рацию с плеча, быстро заговорил, пытаясь остановить воздушную атаку, но в это время один из вертолетов выпустил ракету, затем второй. Оба снаряда попали точно в цель. О'Хара безнадежно опустил руку с рацией и зашагал к своей колонне, к догорающему «Хаммеру». Он не оглянулся, чтобы посмотреть, что стало с мечетью, он слишком часто видел подобные картины и прекрасно знал, что с ней стало – ничего, ее просто больше не было. Атака была запоздалой и поэтому бессмысленной, кроме того, в мечети могли быть люди, снайпер не в счет. Подойдя к колонне, он обернулся, арабы смотрели на то место, где мгновение назад стояла мечеть.

В мусульманском мире на одну святыню стало меньше.

* * *

Вокруг разрушенной мечети американцы выставили оцепление. Ни местных жителей, ни тем более журналистов за оцепление не пропускали. Арабы возмущались, плакали, воздевая руки к небу, уговаривая пропустить их к останкам родственников, но пехотинцы были озлоблены гибелью своих товарищей и особенно с жителями не церемонились, впрочем, с журналистами тоже.

Солдаты разбирали руины по камушку, по кирпичику, их главной задачей было обнаружение доказательств пребывания на территории мечети террориста. Но пока со своей задачей

¹ Stinger – жало (англ).

они явно не справлялись. В развалинах морпехи откапывали лишь растерзанные трупы стариков, которые складывали здесь же. На битых камнях, в пыли лежало уже девятнадцать таких тел.

На том месте, где должен быть вход в мечеть, теперь была лишь груда мусора, рядом с которой аккуратными рядами стояла, слегка припорошенная пылью, поношенная обувь, двадцать четыре пары. Одному Аллаху известно, как могла уцелеть она в этом аду. Поиски продолжались, но успеха пока не имели, принося лишь новые трупы мирных жителей.

Из штаба армии прибыл майор Дуглас. Его приветствовал подбежавший командир роты морских пехотинцев, занимающейся раскопками.

– Кто из офицеров присутствовал при инциденте, – спросил майор у ротного.

– Лейтенант О'Хара, сэр, – отчеканил тот.

– Найди мне его, сынок.

– Слушаюсь, сэр.

– И перестань тянуться, лейтенант, не на плацу.

– Слушаюсь, сэр.

Майор взглянул на него и, безнадежно махнув рукой, тихо произнес:

– Иди уже.

Молодой, ретивый лейтенант умчался. Дуглас закурил и хотел было направиться к солдатам, заканчивающим разборку руин, как прозвучал вызов рации. По сдержанным и односложным ответам майора «да, сэр... нет, сэр... хорошо, сэр...» можно было понять, что разговаривает он с начальством, которое его отнюдь не хвалит. Не успел он закончить неприятный разговор, как появился уставший, грязный и злой О'Хара. Офицеры поздоровались как старые приятели, как, впрочем, оно и было.

– Рассказывай, Генри, ты ведь понимаешь, зачем я здесь, – произнес Дуглас, протягивая лейтенанту пачку сигарет.

– Да уж как не понять, – ответил тот, вытягивая грязными пальцами сигарету из предложенной пачки.

– Ну вот и хорошо, рассказывай.

О'Хара четко и довольно подробно рассказал майору об инциденте.

– Понятно. Ну, это рапорт. А твои собственные мысли по этому поводу?

– Мои... – Лейтенант затянулся сигаретой и на минуту задумался. – Тут вот какое дело, Джек. Когда при подходе к рынку я увидел минарет мечети, мне это сразу не понравилось, слишком удобное место для снайпера.

– Ну и... – проговорил майор.

– Слишком удобное, понимаешь? Слишком. Место на один выстрел, потом нужно уходить, если ты не смертник, что тоже в данных условиях не исключается. Слишком удобное место – слишком просто обнаружить, значит, если сделать несколько выстрелов, то уже не уйдешь, не успеешь. А этот – несколько раз из винтовки, а потом еще и из «Стингера».

– Ну и... – повторил Дуглас.

– Ну да ну, – передразнил майора начинавший терять терпение и без того злой О'Хара.

– Тут всего два варианта: либо это смертник, – значит, сейчас мы найдем его труп и оружие, либо это классный профессионал, и мы ничего не найдем – ни трупа, ни оружия. Но я видел, как он вел огонь, как клал моих парней одного за другим, как одним «Стингером» сжег две машины, и это с учетом того, что стрелял против солнца, поэтому я говорю тебе, ни хрена мы здесь не найдем. Это был профессионал, причем очень высокого класса, и он все продумал, включая возможность отхода. Переиграл он нас, переиграл.

О'Хара оказался прав, через полчаса подбежавший лейтенант морской пехоты доложил, что оружия и боеприпасов в развалинах мечети не обнаружено, не было найдено даже стреляных гильз.

* * *

Морские пехотинцы, стоящие в оцеплении у разрушенной мечети, начинали нервничать. Толпа, вначале состоявшая в основном из родственников погибших, постепенно увеличивалась. Подъехало несколько джипов с надписями «Press» на лобовых стеклах, принадлежавших явно разным телекомпаниям. Из них повыскакивали журналисты, старательно фиксируя происходящее на пленку, хотя снимать-то, кроме развалин, было уже нечего или пока нечего.

– Слетаются, стервятники. Почувствовали падаль, суки, – проговорил один из солдат.

– Нет, Стив, сдается мне, кто-то их предупредил, что-то сейчас будет, этот бедлам не стихийный, – ответил другой.

– Да брось ты, это ж просто психи.

– Поживем – увидим, – сказал солдат, крепче сжимая в руках «М-16», и совсем тихо добавил: – Если доживем.

Между тем толпа продолжала расти, подъезжали выдавшие виды «Мазды», открытые кузова которых были под завязку набиты мужчинами в потрепанных одеждах. Пропорционально росту толпы росло и напряжение. Отовсюду слышались оскорбительные крики в основном на арабском, но звучали и на ломаном английском. Появились на скорую руку изготовленные плакаты с малограмотными надписями вроде – «Democresy – Lies» или «Demokrasy Americans bitches», что, вероятно, должно было означать: «Демократия – вранье» и «Демократия – американская сука». Безграмотность плакатов смешила солдат, но это был не веселый смех, скорее – нервный, толпа все больше возбуждалась.

Один из суннитов, с горящими фанатичными глазами, влез на крышу одного из рядом стоящих джипов, что-то крича толпе. Каждой его фразе толпа отвечала одобрительным ревом, все больше распаляясь от этого. Дело дошло до того, что в солдат полетели камни. Толпа медленно, но верно приближалась к морпехам, положение становилось опасным, в задних рядах суннитов раздались выстрелы, правда, пока в воздух.

Командир пехотинцев связался с командованием, прося указаний и подкрепление. Один из солдат, когда арабы придвинулись к нему совсем вплотную, дал очередь в воздух, пытаясь тем самым охладить разгоряченных мусульман. Но выстрелы дали обратный эффект. Толпа также ответила выстрелами, но уже не в воздух, один из солдат упал. И без того напряженные нервы морпехов не выдержали, и они открыли ответный огонь. Началась бойня. Как оказалось, большинство суннитов были вооружены, и вооружены неплохо, хотя поначалу они этого не афишировали.

Журналисты фиксировали на пленку происходящее, не упускали ничего – ни одного трупа, ни одной капли крови. Они были довольны – не зря приехали.

Жертв было много как со стороны мусульман, так и со стороны американцев.

* * *

О'Хара полулежал на кровати в своей комнате в компании с бутылкой дерьмового виски. Хотя бутылка была уже наполовину пуста, на душе было тоскливо. Он бездумно переключал каналы, смотреть ничего не хотелось, вот он и щелкал их по кругу. «Аль-Джазир» попадался чаще других, ну вот опять он. Палец потянулся к кнопке, но повис в воздухе. На экране лицо диктора сменилось знакомым пейзажем – рынок Ат-Тахри, за ним мечеть с еще не разрушенным минаретом. Репортаж заинтересовал О'Хару. Дальше шли кадры, показывавшие колонну американских военных, опять минарет, затем выстрел «Абрамса» разрушает верхушку минарета, два «Апачи» в воздухе, ракеты, кадры разрушения мечети, руины, трупы мирных жителей, стреляющие морские пехотинцы с озлобленными лицами, падающие безоружные люди

и опять трупы мирных жителей. А голос за кадром все говорил, говорил и говорил. О'Хара понимал только отдельные слова: «происки американской военщины...», «неспровоцированное нападение...», «разрушение святынь...», «попрание международных прав...» и так далее.

– Смотри-ка, про права вспомнили, твари, законники, твою мать, – рявкнул лейтенант.

«Ничем не спровоцированное нападение...» – и он вспомнил пулеметчика, совсем мальчишку, заживо сгоревшего на «Хаммере». Он обратил внимание на то, что съемка произошедшего на рынке велась с нескольких точек и началась она еще до первого выстрела снайпера. Если бы оператор был один, это могло бы быть случайностью, но в данном случае их было несколько, и ни одного из них он тогда не заметил. Следовательно, профессионалом был не только снайпер, но и операторы, заранее знавшие, что произойдет на рынке. Инцидент был чистой воды спектаклем, отлично подготовленным и столь же мастерски исполненным.

Затем пошли кадры демонстраций суннитов в Фаллудже, шиитов – в Кербелле и Неджефе и даже совместный суннитско-шиитский митинг.

Собственно против иракцев, да и вообще мусульман, О'Хара ничего не имел, хотя и особой любви не испытывал. Он их жалел. Ругательства его были обращены к журналистам. Вот их-то он точно не любил, считая, однако, что пресса неизбежное, но необходимое зло. А еще больше он не любил политиков, этих ублюдков, для которых человеческая жизнь – всего лишь статистика, вот их он считал просто злом, злом в чистом виде, неизбежным, но отнюдь не необходимым.

«Вот теперь нас поймеют, – думал он про Белый дом, – как Клинтон Монику, только не так нежно, не в те места и в особо извращенной форме, причем все, кому не лень. Ролик-то наверняка разослали по всем телекомпаниям».

Лейтенант морской пехоты дядюшки Сэма Генри О'Хара опять оказался прав, скандал удался на славу. Госдепартамент пытался делать хорошую мину при плохой игре, но получалось скверно, никто ему не верил. Пресс-служба Пентагона упорно стояла на своем, утверждая, что иракские террористы первыми открыли огонь с минарета, а солдаты лишь оборонялись и тоже понесли потери. Но Пентагону тоже никто не верил. Во-первых, Пентагону вообще никто не верил, кроме разве что собственного конгресса, а во-вторых, у него не было абсолютно никаких доказательств существования террористов, а вот горы трупов мирных жителей и разрушенную мечеть видел весь мир.

Как ни дальновидны и самонадеянны были военные чиновники Пентагона, ох, если бы только Пентагона, даже они понимали, что подобная провокация не первая и не последняя, что дальше будет только хуже, подобные инциденты будут происходить все чаще и чаще. Однако, как выбраться из этого болота, они не имели ни малейшего представления и с надеждой взирали на Белый дом. А в Белом доме наконец-то начали осознавать патовость иракской ситуации, когда любой последующий шаг способен лишь ухудшить положение. Но тем и славен Белый дом, что он легко и храбро вступал в драку, не удосужившись просчитать последствия своих действий хотя бы на несколько шагов вперед. И теперь, несмотря на крайнее напряжение многочисленных аналитических служб Белого дома, сколько-нибудь осмысленного решения не было.

Один из законов Мерфи гласит: «Существует игра, выиграть в которой нельзя, свести в ничью нельзя, нельзя даже выйти из этой игры». Вот как раз в эту игру и играли американцы в Ираке.

Глава 2

США, Лэнгли, штаб-квартира ЦРУ

Дорога, ведущая к штаб-квартире ЦРУ, утопала в зелени. Казалось, шикарный серебристый «Линкольн» Джорджа Хемптона мчится сквозь девственный лес Вирджинии, но иллюзия быстро заканчивалась изящным, хотя несколько угловатым сооружением собственной полиции ЦРУ, контролирующей въезд на территорию штаб-квартиры. Оно напоминало огромную светлую букву «Е», лежащую на правом боку. Благополучно миновав полицейский кордон, Джордж выехал на аллею, ведущую на служебную автостоянку. Автостоянка занимала значительную, едва ли не большую часть всей территории цэрэушного городка, плавно обтекая с запада и севера комплекс из двух светлых зданий, в которых и находилась штаб-квартира.

Джордж оставил машину на северной стоянке и направился к центральному входу старого корпуса. Проходя мимо одной из двух шестиэтажных башен нового здания, он вспомнил, с какой помпезностью в 1985 году начиналось строительство, первый камень в фундамент заложил сам Буш (отец нынешнего президента).

Вход в старое здание прикрывал огромный бетонный навес, немного напоминавший крыло самолета, поддерживаемый тремя внешними колоннами в виде четырехугольных усеченных пирамид, тонкими концами упиравшимися в землю. Джордж легко поднялся по ступенькам и, толкнув одну из стеклянных дверей, оказался в просторном холле, отделанном светлым мрамором. На полу холла красовалось панно с символикой ЦРУ – орлом, восседающим над розой ветров. Он пересек холл, направляясь к турникетам, через которые осуществлялся проход в само здание.

Вопреки голливудским фильмам, никаких сканирований сетчатки глаза, никаких голосовых кодов и хитроумных паролей и двойных замков в ЦРУ никогда не применялось. На проходной установлены самые что ни на есть обычные турникеты, через которые сотрудники проходят с помощью личной карточки. За процедурой прохождения внимательно наблюдали бдительные полицейские. Джордж оставил свой портфель в камере хранения, находящейся здесь же, в холле (портфели и сумки проносить в здание было запрещено), и поднялся в свой кабинет.

Джорджу было немногим за пятьдесят. Одет он был в безупречный светло-серый костюм и белоснежную рубашку, выгодно оттенявшую загар его породистого лица. Начинаясь сесть темные густые волосы, зачесанные назад, и тонкий с горбинкой нос придавали его профилю сходство с хищной птицей, красующейся на гербе его родной организации. Роста он был среднего, но благородная осанка и изысканность манер делали его выше. Джордж Хемптон больше походил на английского лорда, чем на чиновника разведки. Но он не был отпрыском знатного рода, а похожесть эта являлась благоприобретением, стоившим ему многих трудов.

В кабинете Хемптон опустился в кресло перед одним из компьютеров. Вставив свою карточку в сканер и набрав личный код, запросил кучу информации с центрального компьютера, который моментально зафиксировал в своих электронных мозгах, кто, когда и что именно запрашивал. Через несколько секунд Джордж получил доступ к требуемой информации. Первыми он просмотрел биржевые сводки. Котировки, интересующие его, не умещались на экране дисплея, приходилось двигать страницу, из-за этого терялась целостность, трудно было отследить тенденцию, и он распечатал несколько страниц. Взяв страницы, бесшумно появившиеся из принтера, Хемптон уселся за соседний стол, стоявший ближе к входной двери, и принялся внимательно изучать распечатку. Он несколько раз согласно кивал головой, выделяя некоторые строчки желтым маркером. Закончив просмотр котировок, Джордж вновь направился к компьютеру, выражение его лица говорило: «Да, именно это я и ожидал увидеть».

Он вызвал на монитор отчет аналитического отдела о возможных фигурантах, претендующих на роль «теневого лидера» в Ираке. Кто-то ведь руководит происходящими провокациями и кто-то их финансирует.

На заглавной странице отчета значилось «Top secret». Джордж уже изучал материал, но сейчас, перед встречей с агентом Алексом Бэром, который должен был появиться менее чем через пятнадцать минут, хотел освежить некоторые моменты. Просмотрев отчет, он задумался, походил по комнате, вновь сел за стол, барабаня пальцами по его полированной поверхности, что-то явно не нравилось ему в этом отчете. Раздумья его прервал появившийся в точно назначенное время агент Алекс.

– Доброе утро, шеф. Надеюсь, я вовремя, – поздоровался улыбающийся молодой человек.

Алекс Бэр – высокий, широкоплечий красавец лет тридцати, с ясными голубыми глазами, длинными чуть вьющимися темными, почти черными волосами, мужественным, немного грубоватым лицом. Грубоватым ровно настолько, чтобы не быть приторно-смазливым, был одним из самых успешных и талантливых агентов Оперативного директората ЦРУ.

– Вовремя, Алекс, вовремя. Присаживайся, – сказал Хемптон, указывая рукой на одно из кресел рядом с собой.

Агент уселся в предложенное ему кресло, шеф пододвинул ему коробку настоящих кубинских сигар, пепельницу и изящную гильотину. Появление сигар на столе означало серьезность и длительность предстоящего разговора. Алекс сигар не любил, в особенности кубинских, но не отказываться же от угощения шефа.

– Это ж контрабанда, шеф, – проговорил он, отсекая гильотиной кончик сигары. – Как же вы их сюда пронесли?

– Подкупил полицейских, – подмигнул Алексу Джордж.

Мужчины раскурили сигары, и, только когда комнату заволокли облака вонючего голубоватого дыма, шеф начал разговор. Начал издали.

– Ты ведь знаком с последними событиями в Багдаде?

– Смотря что вы имеете в виду, шеф.

– Я имею в виду общее положение и инцидент на рынке Ат-Тахри, в частности.

– Да, я в курсе событий на Ат-Тахри, явная провокация, и шумиха вокруг нее отлично организована.

– Вот об этом-то и речь. Провокации подобного рода участились последнее время. В конфликте мы увязли по уши. Кому выгодно существующее положение дел, ясно...

– Всем производителям нефти, конфликт поддерживает рост цен. Саудовская Аравия, Кувейт, Йемен и прочие аравийские страны, да и про Россию не надо забывать, она вообще живет исключительно на нефтедоллары, – продолжил за начальника Алекс. – Это азбука, шеф.

– Вот именно – азбука. Эти выводы лежат на поверхности, но они крайне далеки от конкретики, – продолжал Хемптон. – Существующее положение дел крайне выгодно производителям нефти и крайне невыгодно всему мировому сообществу, а в особенности, нашей стране. Затягивание иракского конфликта приводит к эскалации мирового терроризма, к росту цен на бензин, дестабилизации экономики ряда стран, включая и нашу собственную. Ситуация сложилась парадоксальная – конфликт нам невыгоден, но войска вывести мы не можем, это приведет к тому, что Ирак станет столицей мирового терроризма. Но и оставлять положение прежним мы тоже не можем, на нас и так весь мир косо смотрит, не говоря уж о том, сколько стоит один день конфликта.

– Ну, этот гордиев узел одним махом не разрубишь. Его, думается мне, следует распутывать постепенно, ухватившись за одну из ниточек. В данном случае это может быть финансирование – откуда уходит, куда приходит, – вставил агент.

– Правильно мыслишь, сынок. Абсолютно правильно. Вот это и будет целью твоей командировки в Ирак, – радостно подхватил шеф, крайне довольный направлением мысли своего

агента. – Твоей задачей будет раскрытие источников и механизмов финансирования. Откуда уходят денежки – нам более или менее ясно, а вот кому они приходят – это будет выяснять непросто. Контрагент, руководящий и организующий провокации, не будет «светиться», глупо рассчитывать, что это кто-то из открытых лидеров вроде малограмотного вождя шиитов Муктада Ас-Садра, хотя его огромное влияние в Ираке нельзя отрицать. Он нам мешает сам по себе, но это ненадолго. На нем висит убийство соплеменника Абдель-Маджида аль-Хои, после которого у нас и пошло все наперекосяк. Наши аналитики уже просчитали кандидатуры возможных «теневых лидеров» и «финансистов». Смотри... – говоря это, Хемптон кликом мыши вызвал на экран монитора первую кандидатуру.

– Сергей Круглов. Российский специалист из «Госнефти», технический советник, два высших образования: техническое и востоковедческое. В совершенстве владеет арабским, курдским, а про европейские языки я даже не говорю. Умный, волевой, умеет, когда надо, быть малозаметным, прекрасно знает страну, ориентируется в религиозных течениях как рыба в воде. Контактует с шиитским движением. Занимается всем, чем угодно, кроме означенной работы технического советника. В данный момент отозван в Москву, вероятно, ненадолго. Полномасштабная разработка в настоящее время, думаю, не представляется возможной. Во-первых, живет на территории российского посольства, значит, МИД опекает его ежесекундно, а что такое российский МИД, надеюсь, тебе не надо объяснять, почище нашей конторы будет, во-вторых, дипломатический иммунитет и, в-третьих, в стране бардак. Задача у тебя не из легких.

Алекс сидел в кресле, закинув ногу на ногу, потягивал сигару и внимательно слушал шефа. От его внимания не ускользало ни то, что говорит Хемптон, ни то, как он это говорит. Из курса психологии и из своего личного опыта Алекс хорошо знал, что иногда малозначительные, едва уловимые произвольные жесты – движение глаз, рук, поворот головы, взаиморасположение ступней ног, могут рассказать о человеке, о его мыслях, об отношении его к предмету обсуждения гораздо больше, чем произносимые им в данный момент слова. Сейчас он произвольно, частично повинуясь профессиональной привычке, частично от скуки, ведь отчет аналитического отдела был ему хорошо известен, анализировал скупую жестикуляцию шефа. Впрочем, не находя особых несоответствий. Между тем, пока Алекс занимался психологическими этюдами, Хемптон закончил рассказ о русском и перешел ко второй кандидатуре – имаму из Тикрита Хузайме ибн Бадлилу.

– Фундаменталист, религиозный фанатик или хочет казаться таковым. Образование получил в бывшем Советском Союзе. Во время правления Хусейна был, так сказать, при дворе, они ведь земляки, росли вместе. Ввод наших войск ему все испортил, так что повод ненавидеть нас у него есть, и достаточно основательный. Хотя он и до этого, сам понимаешь, к нам особой любви не питал. Идеальный вдохновитель и вождь суннитских террористов, он из тех, с кем переговоры вести бессмысленно и невозможно. Обсуждалось его физическое уничтожение, но из-за опасения восстания суннитов решили пока не трогать. Вот те кандидаты, которым, на мой взгляд, тебе следует уделить основное внимание.

Алекс удивленно посмотрел на шефа.

– Да, да, знаю, в отчете фигурирует еще одна кандидатура, – сказал Хемптон, отвечая на немой вопрос агента. – Это полоумный археолог из Лондона, Чарльз Бенсон... Двадцать лет назад принял мусульманство. На Востоке живет уже давно. Сейчас копает в Междуречье, ищет подтверждение своей доморощенной теории зарождения там цивилизации, а заодно надеется раскопать остатки Вавилонской башни. Богатый сумасброд.

У Алекса было несколько иное мнение о «богатом сумасброде». Помощники англичанина, так называемые землекопы, нанятые им для археологических изысканий, ни дать ни взять шайка головорезов, вооруженная до зубов. Да и сам Бенсон не производил впечатления хрупкого ученого-недотепы, помешанного на поисках родины цивилизации. Однако вслух

ничего говорить не стал, благоразумно решив разобраться во всем на месте. К тому же он обратил внимание на то, что во время своей тирады о Чарльзе Бенсоне Хемптон неоднократно касался пальцами то носа, то подбородка. Эти произвольные жесты могли свидетельствовать о недостаточной откровенности собеседника, о желании что-либо скрыть или недоговорить. Впрочем, он мог и ошибаться, шеф не хуже его знаком с языком жестов.

– Ладно, с фигурантами мы определились, теперь о твоей командировке, – продолжал Хемптон. – В Ирак отправишься, как ты уже знаешь, под легендой боснийского стрингера. Язык-то еще не забыл?

Последнюю фразу шеф, улыбаясь, произнес на сербском.

– Обижаете, начальник, – так же по-сербски ответил агент.

Весь последующий разговор происходил на разных языках – русском, арабском, курдском, французском, которые Хемптон менял произвольно, часто на середине фразы.

Это был своеобразный экзамен для Алекса, да и шеф тряхнул стариной. Такой абракадабры цэрэушные стены давно не слышали. В конце-концов Хемптон сбился, и они оба рассмеялись.

– Ну, ладно, хорошо, филологический экзамен ты выдержал, – все еще продолжая смеяться, сказал шеф. – А теперь давай легенду во всех подробностях, можно на английском.

– Зовут меня Николо Младович, я... – и Алекс повторил свою легенду слово в слово.

– Молодец, Николо, отлично, пожалуй, все, – сказал Хемптон. – Камеру, документы, одежду, деньги и все прочее получишь в техническом отделе, как обычно. Все согласовано. Да, вот еще что: как бы ни сложились обстоятельства, ни в коем случае не называй себя. Ты боснийский стрингер, даже для наших военных, даже для армейской контрразведки. А в Ираке тебя будут прикрывать, – как-то странно улыбаясь, проговорил шеф.

– Кто он? Мы знакомы?

– Всему свое время. Насколько я тебя знаю, вы сработаетесь, – все так же загадочно улыбаясь, сказал Хемптон. – Ах да, совсем забыл, вот номер спутникового телефона для экстренной связи, если, конечно, понадобится. – И Хемптон быстро набрал номер на дисплее.

Едва Алекс успел взглянуть на экран, как шеф уже нажал на клавишу «Delete», это тоже был своеобразный экзамен.

– Запомнил? – спросил он агента.

Алекс только улыбнулся в ответ, зрительная память у него была просто идеальная.

– Только я не понял, шеф, зачем такие сложности. Сеть-то чем не устраивает?

– Я же сказал, на всякий случай. Удачи тебе, Николо, – добавил Хемптон, пожимая руку новоявленного стрингера.

– Спасибо, шеф, – поблагодарил Алекс и, считая встречу оконченной, направился к двери.

Проходя мимо стола, он обратил внимание на свежую биржевую распечатку, строки с котировками нефти марки «Brent» были выделены желтым маркером. Нефть этой марки добывалась на Аравийском полуострове.

– С каких это пор старика интересуют котировки на аравийскую нефть? – недоумевал Николо-Алекс, выходя из кабинета.

Глава 3

Россия, Подмосковье

Ласковый летний ветерок едва шевелил листву вековых деревьев, скрывавших уютный двухэтажный домик замысловатой архитектуры, слегка напоминавший средневековый замок в миниатюре. Впрочем, домик скрывали не только деревья, но еще и высоченный бетонный забор с электронной сигнализацией и камерами видеомониторинга, просматривающими каждый сантиметр внешнего периметра. Но мужчинам, сидящим на широкой открытой веранде, с трех сторон окружавшей дом, не было видно ни мощного забора, ни камер наблюдения. Расположенность искусно скрывала все охранные устройства. Дизайнеру, разрабатывающему ландшафт перед фасадом дома, хватило ума и таланта не перегрузить его замысловатыми линиями искусственных уступов и нагромождениями камней, как теперь стало модно. Все было скромно, изящно и без излишней вычурности. Пожалуй, единственным украшением участка был родник, возможно, даже настоящий, с вытекающим из него ручейком. Ручеек с веселым журчаньем струился по искусственному руслу, выложенному тщательно подобранными камнями. В нижнем своем течении ручеек переваливал через небольшой полукруглый водопад и впадал в миниатюрное озерцо, из которого сейчас с удовольствием лакал воду крупный сенбернар по кличке Леша.

– Лешка, иди ко мне! – притворно-грубовато позвал собаку один из трех мужчин, сидевших на веранде. Вид у него был невзрачный. Ничего выдающегося ни в лице, ни в фигуре не было. Роста он был среднего, возраста среднего и вообще он был средний, каких тысячи в любой стране, в любом городе, пройдешь мимо и не заметишь. Своеобразный человек-невидимка.

Собака скосила глаза на хозяина, но занятия своего не прервала.

– Леша, маслину дам, – вновь позвал человек-невидимка.

Сенбернар оторвался от воды и не спеша затрусил к веранде.

– У-у ты моя морда, у-у ты мой красавец, ну, на маслинку, на.

Крошечная черная маслина исчезла в огромной пасти собаки. Леша облизнулся и, довольно повиливая хвостом, уселся рядом со столом в надежде сшакалить еще какое-нибудь лакомство.

– Первый раз вижу, чтоб собака маслины ела, он у тебя, Сергей Анатольевич, гурман, – произнес другой мужчина, с явно военной выправкой. – Может, он у тебя и «Мартини» пьет?

Говоря это, военный с улыбкой посмотрел на третьего мужчину, сидящего за столом с бокалом «Мартини» и плавающей в нем маслиной.

– Нет, Петр Семенович, «Мартини» он не пьет, но настоящее имя его Альберт, – сказал Сергей Анатольевич и тоже с улыбкой посмотрел на человека с бокалом «Мартини».

– О как! Настоящая собака разведчика – по имени Альберт, по кличке Леша. Это что ж, профессиональная привычка? Без шпионских атрибутов даже с собакой общаться не можешь, – спросил Петр Семенович.

– А что это вы на меня все поглядываете с вашими дурацкими ухмылками, опять обидеть норовите, – напал на них любитель «Мартини», звали которого, по воле случая, Альберт Филозович Стремоухов, что являлось неиссякаемым поводом для шуток и острот в дружеском кругу. Альберт Филозович на шутки не обижался, а если и обижался, то виду старался не показывать, прекрасно понимая, что откровенная обида лишь спровоцирует новую шутку.

– Да нет. Это он по документам так проходит, там еще куча имен и титулов, что не выразишь и не запомнишь, да и ни к чему нам это. Правда, Леш? – сказал Сергей Анатольевич и бросил сенбернару еще одну маслину.

Дружеский треп прервал телефонный звонок, на телефон Петра Семеновича пришло сообщение.

– Ого, три единички, срочное. Сергей, у тебя компьютер там же?

– Да, но там нет выхода на наш сервер, – ответил Сергей.

– А он мне и не нужен. Я на минутку, а ты, Сережа, пока наливай.

Действительно, Петр Семенович вернулся достаточно быстро, но совершенно в другом настроении. Взгляд его стал жестким, рюмку с налитой водкой он отодвинул.

– погоди, не время сейчас. Положение изменилось, – сказал он, поймав вопросительно-удивленный взгляд Сергея.

Мужчины молчали, ждали объяснений, молчал и Петр Семенович, вероятно, собираясь с мыслями.

– Появилась информация, – начал он, – что в одной из наших структур утечка данных. Что именно и в каком объеме слили, пока неясно, но это касается тебя, Сергей. Есть подозрение, и достаточно основательное, что в Лэнгли знают, кто ты на самом деле. Утечка идет либо от нас, либо из высотки на Смоленской. – И он многозначительно посмотрел на Альберта.

– И что, это так серьезно? Может быть, агент? – спросил вмиг посерьезневший Стремоухов.

– Да нет, если бы. Я думаю, крот, – ответил Петр Семенович. – Так что решай, Сергей, стоит ли тебе возвращаться в Багдад. Скорее всего, ты провален, а если нет, то будешь провален в ближайшее время. Крота быстро не вычислишь, хотя приложим все усилия.

– Волков бояться – в лес не ходить, – парировал Сергей. – Собственно, это мало что меняет. Ты думаешь, они раньше не догадывались, кто я такой?

– Ну, милый, догадываться одно, а знать – другое.

– Так ведь ты сам говоришь, что сведения предварительные, неизвестно, что слили. Может быть, они и сейчас только догадываются.

– Может быть, может быть, но, я думаю, лучше не рисковать, – задумчиво проговорил Петр Семенович. – Решай сам. А ты что молчишь, а Альберт?

– Я думаю, можно рискнуть. Паспорт у него дипломатический, я со своей стороны по мидовским каналам обеспечу все необходимые меры, «Госнефть»-то курируем мы.

– Ну так что, Сергей?

– Я уже все сказал. Ты, Петр Семенович, как начальник, можешь, конечно, приказать. Но мое мнение такое: надо ехать, надо доделать дело, не люблю бросать на полпути, – твердо сказал Сергей, поглаживая собаку. – С Лешкой вот расставаться жалко.

– Так бери его с собой, – предложил Альберт.

– Да ты что, там же опасно! – ответил Сергей, и все рассмеялись.

Смех частично снял возникшее напряжение, и Сергей предложил выпить «на посошок», тем более что уже было налито. Выпили, закусили, помолчали.

– Тогда так: в Дамаск летишь завтра. Все инструкции получишь на месте, в Сирии тебя уже ждут. Пока будешь добираться, я все утрясу, – подвел итог Петр Семенович, ободряюще похлопывая Сергея по плечу. – Думаю, прорвемся. Не впервой.

Вопрос был решен, больше к этой теме за столом не возвращались. На следующий день ранним утром Сергей улетел в Дамаск для встречи с резидентом.

Глава 4

Сирия, Дамаск

С открытой террасы вполне европейского ресторана, расположенного на плоской крыше одного из зданий центрального района Кеймария, открывался изумительный вид ночного Дамаска. Это был один из немногих ресторанов сирийской столицы, где не навязывали кальянов, кофе варили без кардамона и из не очень сильно пережаренных зерен, подавали спиртное и не смотрели на фотоаппарат как на «кольт» сорок пятого калибра – словом, вполне приемлемое для европейца заведение.

С северо-запада, с гор Каламун, дул легкий ветерок, приносящий прохладу и ни с чем не сравнимые ароматы восточной ночи. Шум города сюда почти не доносился. За крайним столиком, возле самого парапета, заканчивали ужин двое мужчин европейского вида. Пока официант подавал на десерт коньяк, кофе, фрукты и собирал посуду, мужчины молчали, их разговор явно не предназначался для посторонних ушей.

– Вынужден с вами согласиться, Сергей, – видимо, продолжая прерванный разговор, заговорил старший из мужчин, согревая ладонью коньяк в широком бокале с низкой ножкой. Говоривший был невысок ростом, полноват, но не слишком, его крупную голову украшала густая волнистая шевелюра некогда темных волос, теперь изрядно поседевших. Одет он был в дорогой светлый костюм, шею прикрывал платок, скрепленный платиновой булавкой с двумя небольшими бриллиантами, на безымянном пальце правой руки красовался массивный золотой перстень с темным камнем. Дамаск – не Европа, обилие дорогих украшений на мужчине не считалось здесь моветоном, наоборот, это было признаком респектабельности.

– Ввод войск в Ирак было не самым умным решением Белого дома, – сказал он, пробуя коньяк. – Нетрудно было предположить, что конфликт будет иметь затяжной характер, хотя с самим Хусейном они расправились довольно быстро. Лично для меня удивительно, сколь легко рухнул его режим, сколь незначительным было сопротивление.

– Вы знаете, Ник, авторитарные, тиранические режимы, на мой взгляд, в принципе неустойчивы. Тому есть множество примеров, да что там далеко ходить, вспомним хотя бы нашу с вами Родину – Советский Союз, как легко и практически мирно развалился он. А прежде казался таким непоколебимым. Как выразился, хотя и по поводу совершенно другого режима, немодный теперь Владимир Ильич – «Колосс на глиняных ногах». Так чем же лучше режим Саддама? – возразил пожилому джентльмену Сергей.

– Возможно, вы и правы, хотя я не склонен проводить подобные аналогии, – ответил Ник, отпивая еще один глоток коньяка, явно наслаждаясь букетом напитка. – Вопрос сейчас в другом, в самом конфликте и его динамике. Что там греха таить, сам по себе конфликт нам крайне выгоден, экономически выгоден. К великому сожалению, бюджет наш практически целиком зависит от мировых цен на нефть.

– Да, такой шикарный профицит нашего бюджета – заслуга не нашего правительства, а американского, – засмеялся Сергей.

– Как это ни грустно, но вы, Сергей, опять правы, – ответил на игривую реплику Ник.

– Но фокус в том, что такие сверхприбыли, основанные на конфликте, получает не только Россия, но и Эмираты, и Саудовская Аравия, и Кувейт, и Йемен и так далее и так далее. Так что наша горячо любимая Родина в этом списке далеко не одинока. И всем им крайне выгодно затягивание, а возможно, и эскалация конфликта. Представляете, как обидно будет получать за баррель вновь по 12—14 долларов вместо ставших уже привычными, вожделенных 48—50. Оговорюсь сразу, нам, я имею виду Россию, затягивание конфликта выгодно только экономически, но не политически. И уж, не дай бог, – эскалация. Этот конфликт воспринимается мно-

гими как противостояние западной цивилизации, составной частью которой, хотим мы этого или нет, является и Россия, с остальным исламским миром. Готов согласиться – оба тезиса спорные, но уверяю вас, что именно в этом одна из основных причин мусульманского экстремизма у нас на родине, впрочем, не только у нас. Конечно, есть и другие причины, несомненно, не менее значительные, но в контексте обсуждаемой темы, я думаю, они значения не имеют, поэтому касаться их мы не будем.

Сергей молча слушал несколько затянувшийся монолог, маленькими глотками потягивая коньяк и уже остывший кофе, все это он уже слышал тысячу раз, ждал, что шеф скажет дальше, понимая, что это только прелюдия.

– Итак, – продолжал между тем Ник, – как говорится, круг подозреваемых определен, дальше все предельно просто, необходимо определить, кто, кого и каким способом финансирует в Ираке для выполнения действий по поддержанию конфликта. Всего три вопроса: кто, кого и как. Это и было сутью вашей задачи. Всего-то навсего нужно пойти туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что. И, надо сказать, вы с честью с этим справились: сходили и принесли. Теперь можете спокойно возвращаться на родину и почивать на лаврах – пока, во всяком случае.

– Это и есть те инструкции, за которыми я прилетел сюда из Москвы? – улыбнулся Сергей. – Мне уже предлагали почивать на лаврах. Я действительно сходил и принес, только загвоздка в том, что принес-то я не все, там еще много осталось. У меня, Ник, есть серьезные основания полагать, что кое-кому на Потомаке также выгодно не только затягивание иракского конфликта, но и его эскалация, и этот кто-то – пока еще не знаю, кто, – готов на очень серьезные действия, которые могут иметь катастрофические последствия. Так что почивать мне еще рановато, слишком глубоко я увяз в теме, не думаю, что будет разумным заменять меня кем-то другим, даже несмотря на мое теперешнее положение, и уж тем более отмахиваться от этой информации.

Ник не спешил с ответом, с улыбкой поглядывая на собеседника, вертя в руке рюмку с остатками коньяка.

– Ну что ж, другого ответа я и не ожидал, – наконец проговорил он. – Тогда возвращайтесь в Багдад. Легенда прежняя – инженер из «Госнефти». Менять ничего не будем, но есть одно весьма существенное дополнение: на этот раз вас будут прикрывать, причем прикрывать основательно. Ценит вас московское начальство, Сережа, ох, ценит.

– Кто, если не секрет?

– Секрет, пока секрет, – загадочно улыбаясь, проговорил Ник. – Одно могу сказать, что в случае провала, не дай бог, конечно, либо других серьезных затруднений помощь придет незамедлительно и совершенно неожиданным образом.

Глава 5

Ирак, Багдад, гостиница «Аль-Рашид».

Фешенебельный отель «Аль-Рашид», традиционное место проживания иностранцев, находился в одном из красивейших мест Багдада. Пол перед входом в отель некогда украшало мозаичное панно с искаженным злобой лицом Буша-старшего, но после прихода американцев мозаику сняли, на ее место положили огромный портрет Саддама Хусейна, который тоже вскоре куда-то исчез.

Прямо напротив гостиницы, через широкую многолюдную и довольно зеленую улицу Яфа, располагался так называемый Президентский комплекс, занимавший практически всю центральную часть города и включавший в себя здания основных министерств, Президентский дворец, бывшую штаб-квартиру партии Баас, а также здание Национального собрания. Теперь в этом районе, отделенном от остального города многочисленными блокпостами, заборами и КПП, находились Временный управляющий совет и командование коалиционными войсками. Это был своеобразный город в городе, что-то вроде Ватикана в Риме или Кремля в Москве, и имел неофициальное название «Зеленая зона». Аналогия с Ватиканом и Кремлем не совсем правомерна лишь в том, что в этой зоне были и обычные жилые кварталы, так что совсем-то уж отделиться от остального мира не представлялось возможным. Растительности, в основном пальм и кипарисов, но не только, здесь действительно было много, но название «Зеленой» эта зона получила скорее из-за располагавшегося чуть западнее и отделенного от Президентского комплекса улицей 14 Июля, огромного зеленого массива Заура – парка с двумя большими озерами.

Алекс Бэр, прибывший в Багдад под видом боснийского стрингера Николо Младовича, поселился в небольшом номере на третьем этаже гостиницы «Аль-Рашид».

Он стоял у окна и смотрел на деревья парка, гладь озера, на громаду памятника Неизвестному Солдату, ставшего символом Багдада благодаря многочисленным телевизионным репортажам с места событий. Огромные полукольца, серебрившиеся в лучах южного солнца, представлялись чем-то космическим, неземным, но мысли Алекса были далеки от багдадских красот. Он думал о предстоящем задании, к которому он, собственно, уже приступил. Любая разработка требует предварительного глубокого осмысления. Алекс решил еще раз просмотреть досье предложенных кандидатур.

В кресле, стоящем недалеко от окна, лежали его вещи: камера, ноутбук, две сумки с разными необходимыми вещами. Он выудил из этой кучи ноутбук, на вид обычный компьютер «Эйч-Пи», причем если судить по потертому внешнему виду и толщине, то не новый и далеко не последней модели. Но как сказал один еж, разочарованно слезая с половой щетки: «Внешность бывает обманчива». Это выражение в полной мере относилось к ноутбуку Алекса, под завязку напичканному суперсовременными достижениями электроники и таким же программным обеспечением, хотя после включения на экране высветилось скромное приветствие «XP».

Сев в соседнее кресло и положив компьютер на низкий столик, Алекс открыл файл с досье на фигурантов. Кандидатуру Сергея Круглова он отложил в сторону – тот еще не вернулся в Багдад, а может, и не вернется, кто его знает, во всяком случае, разработка пока невозможна. Следующий по списку имам из Тикрита Хузайма ибн Бадлил. Стоп! А каковы стимулы в этой игре? Их всего четыре – власть, слава, деньги, женщины. Все преступления испокон веков во всем мире совершаются под воздействием этих факторов, так или иначе. Женщин отбрасываем, хотя говорят, что многие войны начинались именно из-за женщин либо во имя женщин. Алекс никогда в это не верил, считая это романтическими сказками для школьников и молодых студентов, придуманными их же учителями. Любовь купить и завоевать нельзя, а

похоть, физиология удовлетворяются более простыми и дешевыми способами. Алекс не был поклонником старика Фрейда и, хотя неоднократно убеждался в его правоте, все же считал, что далеко не все в этой жизни определяется либидо, а уж в политических играх – тем более. Итак, женщин отбрасываем. Остаются власть, деньги и слава. Власть не бывает без славы и денег. Слава возможна без денег и власти, но в этом случае она достигается собственной головой, а не количеством отрезанных чужих. Славу – отбрасываем. Остаются власть и деньги.

Итак, чего может хотеть имам? А чего вообще может хотеть фанатик? Ну не денег же, конечно... власти. А возможно ли всерьез предположить, что этот Хузайма, этот психопат, всерьез может прийти в власти? Глупость, конечно, хотя как посмотреть. Гитлера ведь тоже никто всерьез не воспринимал, бесноватый и бесноватый, а этот бесноватый вон каких дел натворил, до сих пор мурашки по телу. Нет, имам Хузайма ибн Бадлил не Гитлер, для этого он слишком прямолинеен и придерживается определенных принципов, а это серьезная проблема на пути к власти, однако популярность его в суннитской среде довольно велика. А под эту популярность сторонники конфликта могут дать денег. Имам остается в списке, но идет пока вторым номером. Во-первых, для его разработки нужна подготовка, время, во-вторых, третий кандидат – Чарльз Бенсон, казался Алексу более вероятной кандидатурой.

Хотя у него-то какие стимулы? Власть – практически невозможно. Он англичанин, европеец, открытая власть ему не светит. Но кроме открытой власти существует еще тайная власть – не менее, а для некоторых и более притягательная. Сидишь в тени, никто тебя не видит и не знает, а ты видишь и знаешь всех и вся и дергаешь себе за ниточки, и все вокруг, даже не зная того, подчиняются твоей воле. Но для достижения такой власти нельзя светиться с самого начала, а Бенсон светится – и светится вовсю, разъезжая с кучей вооруженных головорезов по Междуречью. Значит, его стимул – деньги, хотя он и так богат. Но денег никогда не бывает много, денег никогда не бывает даже просто достаточно. Их всегда мало. К сожалению, потребности растут намного быстрее возможностей, но в этом и заключается движущая сила прогресса. Значит, Бенсона интересуют деньги. Ну хорошо, Бенсон так Бенсон, посмотрим, что творит этот любитель истории Древнего мира.

Алекс с помощью своего ноутбука связался с NSA – Агентством национальной безопасности, занимающимся радиоперехватом и электронной разведкой. Некоторые шутники расшифровывали аббревиатуру NSA, как No Such Agency – агентство, которое не существует.

Набрав пароль и личный код, он получил прямой доступ к данным космического мониторинга. На экране появилось изображение территории Ирака в режиме он-лайн. По предварительным сведениям Алекс знал, что раскопки ведутся в районе полуразрушенного поселения Сабах, на берегу Евфрата, в нижнем его течении. Он наводил курсор то на одно место, то на другое, крутил колесико мышки от себя, тем самым увеличивая изображение, искал следы раскопок. После нескольких неудачных попыток Алекс наконец нашел следы земляных работ на левом берегу Евфрата, поселок Сабах находился примерно в трех километрах от места работ. От Багдада до Сабаха, как показывал измеритель расстояния его компьютера, даже по прямой составляло около 230 миль. Приличных дорог в тот район не было.

Алекс решил подробнее рассмотреть район работ, но даже при максимальном увеличении автомобиля, если это были они, казались лишь маленькими размытыми прямоугольниками, не говоря уже о людях, их просто не было видно. Он вновь связался с NSA, сообщив координаты интересующего его района и запросив максимальное разрешение изображения. Для выполнения этой операции требовалось некоторое время. Алекс растянулся в кресле во весь свой почти двухметровый рост, заложил руки за голову и улыбнулся, представив все те действия, которые сейчас совершаются для выполнения его запроса.

В Форт-Миде, где располагалась штаб-квартира АНБ, в здании из абсолютно черного стекла зашевелилась часть сорокатысячного коллектива под предводительством славного генерал-лейтенанта Майкла Хайдена, директора этого заведения. В Лэнгли полетели мириады

электронных импульсов, требующих подтверждения допуска кода такого-то, обратно те же импульсы с подтверждением, следующая серия импульсов в космос, на спутники, наконец на одном, наиболее подходящем для выполнения данной операции, завывли сервоприводы, выполняющая команды с Земли, хотя нет, извините, не завывли, в космосе нет звуков, там вибрации. И наконец серия импульсов на Землю, несущая четкое и ясное изображение Аллахом забытого городка Сабах и всего, что его окружает.

Ноутбук слабо пискнул, сообщая хозяину о том, что просьба его выполнена. И Алекс, склонившись над компьютером, вновь вызвал изображение Ирака. Теперь место раскопок он нашел сразу, они велись на прямом участке между двумя характерными изгибами береговой линии, а чуть севернее был хорошо виден городок Сабах. Алекс нажал на плюс в меню браузера и кликнул по месту раскопок левой клавишей мыши, таким способом он центрировал изображение по месту клика и увеличивал. Еще несколько щелчков клавиши, и стали различимы три русских «Урала», еще щелчок – и стало видно скопище каких-то ящиков. А вот это уже странно, ящики довольно большие, зачем они скромным археологам, и что находится в закрытых кузовах «Уралов»? При дальнейшем увеличении стали видны люди – грязные и оборванные, но вооруженные. По периметру раскопок бродило несколько человек, явно для охраны и наблюдения, своеобразные часовые. Место проведения работ находилось в низине и со стороны поселка практически не просматривалось. Копали во многих местах, как это и делается при археологических работах, снимали верхнюю часть грунта, центральная часть площадки, причем достаточно обширная, была огорожена. Недалеко от этой изгороди стоял человек в европейской одежде, однако голову его покрывала куфия того же цвета, что и у остальных рабочих, но значительно чище и богаче, перехваченная уколем из верблюжьего волоса. Алекс увеличил изображения этого человека максимально, и хотя лицо все же немного плыло, узнать было можно, это был Чарльз Бенсон.

– Хау-ду-ю-ду, сэр, – с улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего, произнес Алекс и приветливо помахал рукой изображению Бенсона, после чего захлопнул ноутбук. Разработка одного из фигурантов началась.

Глава 6

Ирак, Междуречье

Левый берег Евфрата, вдоль которого производились археологические раскопки, представлял собой довольно унылое зрелище. Чахлая растительность, малейший порыв ветра поднимал с земли облака коричневой пыли, в зловонном воздухе носились тучи насекомых, от которых не было никакого спасения. Зловоние исходило от умирающих болот, на многие километры раскинувшихся на противоположном берегу библейской реки.

Во время правления Саддама Хусейна болота активно осушались с помощью дамб и каналов, что привело к экологической катастрофе в южной части Междуречья. Некогда плодородные земли превратились практически в пустыню. Многие разновидности животных и растений, присущие только для этой местности, оказались на грани вымирания. Было ли это недомыслие, или он таким образом хотел наказать непокорное шиитское население, проживающее в этом районе, неизвестно. Но факт остается фактом: эдемскими садами теперь здесь и не пахло, скорее, наоборот.

Археологические работы производили арабы, одетые в грязные, жалкие лохмотья, и их давно немые тела источали аромат, пожалуй, ничем не уступавший запаху болот. Жили они здесь же, в палатках и наспех сколоченных домиках, которые и жильем-то назвать нельзя, мусор и отбросы далеко не носили, бросали рядом, что также воздух не озонировало. Несмотря на крайне мирный характер работ, практически все рабочие были вооружены. Среди прочих выделялся высокий, худой человек, очевидно, европеец, одет значительно чище и богаче, наполовину по-мусульмански. Все называли его не иначе как господин или хозяин.

Работа шла полным ходом, рабочие явно спешили. Казалось бы, какая спешка может быть при производстве археологических работ, все это лежало сотни, а то и тысячи лет, так что же могут решить несколько дней или недель.

Территория раскопок была аккуратно размечена по классическому послойно-квадратному методу, квадраты пронумерованы. Некоторые из рабочих снимали дерн с размеченной области, другие долбили шурфы, катили тачки с грунтом, таскали какое-то оборудование. В отдалении группа людей вытаскивала длинные деревянные ящики из крытых кузовов «Уралов» и относила их куда-то за холм. В спешке один из ящиков уронили, он грохнулся оземь, несколько досок оторвались, частично обнажая содержимое. Оборванцы испуганно посмотрели в сторону хозяина, но тот ничего не заметил. Быстро посоветовавшись, они, вероятно, во избежание наказания, решили скрыть это маленькое происшествие и продолжали разгрузку как ни в чем не бывало.

Вдруг с северной стороны раскопа появился маленький араб, он бежал, неловко придерживая одной рукой «АКМ», хлопавший ему по спине, на ходу он что-то кричал и свободной рукой указывал назад.

– Что такое, Саид, что случилось? – спокойно спросил его Бенсон, которого здесь называли хозяином.

– Господин, там кто-то едет к нам из города, – выпалил запыхавшийся Саид и показал рукой на столб пыли, тянущийся к небу из-за горизонта, машины еще не было видно.

В трех километрах на север от раскопок действительно находился небольшой полуразрушенный городок Сабах, в котором теперь обосновалась военная часть американских морских пехотинцев.

В Сабахе некогда находилась штаб-квартира партии Баас, являвшейся ядром ожесточенного сопротивления, оказанного американским войскам во время боевых действий. Американцы, решившие не проводить общевойсковой сухопутной операции по освобождению

города, высокоточными ракетами планомерно и методично уничтожали бандитские гнезда. Дом за домом, не принося особого вреда окружающим зданиям. На ракеты были установлены видеокамеры, транслирующие полет в прямом эфире, эти кадры в свое время облетели весь мир. Но баасовцы быстро нашли выход, стали прикрываться мирными жителями как живым щитом. Они брали с собой в очаги сопротивления детей и стариков, после этого американцам пришлось прекратить обстрелы. На штурм были брошены морпехи, бандитов уничтожили, но и американцы понесли значительные потери. Теперь эта часть и была расквартирована в Сабахе.

– Ну, и что ты так разволновался? Едет и едет, но на всякий случай будьте готовы. Иди, предупреди остальных, – так же спокойно отдал указание хозяин, но в глазах его зажглись холодные искорки беспокойства. Он пошел навстречу приближающейся машине, дорога к раскопу была только одна, со стороны поселка.

Наконец из-за горизонта появился красный открытый «Ренглер», на треснутом лобовом стекле которого красовалась надпись «Press». Арабы приостановили работу, с интересом и тревогой наблюдая за происходящим. Гости здесь, по всей видимости, были явлением редким. Джип резко остановился у самой границы раскопа, из него лихо выскочил улыбающийся, насквозь пропыленный высокий красавец. В руке он держал видеокамеру. Безошибочно определив в Бенсоне начальника, он направился прямо к нему.

– Здравствуйте, я Николо Младович, журналист из Боснии, в данный момент представляю компанию «Аль-Джазир», – продолжая улыбаться, представился он, большим пальцем правой руки указывая на бейдж, прикрепленный к карману джинсовой рубашки.

– Добрый день, молодой человек. Я Чарльз Бенсон, археолог. Что привело вас к нам? – достаточно приветливо ответил Бенсон, и холодные, колючие искорки в его глазах начали таять, после того как он рассмотрел бейдж на груди гостя.

– Профессия, мистер Бенсон. В компании мне заказали репортаж о вашей экспедиции. Согласитесь, заниматься археологическими изысканиями в такое время довольно странно, с другой стороны, если в стране проводятся подобные работы, то это вселяет некоторые надежды. Думаю, нелишне будет напомнить общественности, что Ирак – это колыбель мировой цивилизации, ведь если не ошибаюсь, цель вашей работы именно такова.

– О, молодой человек, я вовсе не ставил перед собой столь глобальные задачи, – почти смеясь, отвечал Бенсон, его всегда умилял и смешил этот вопиющий дилетантизм, присущий большинству журналистов. Журналисты – народ в основном достаточно развитый и образованный, но знания их в различных областях науки настолько поверхностны и бессистемны, что порою это приводит к анекдотическим ситуациям. Надо же так сформулировать: «Ирак – колыбель мировой цивилизации». – Цель нашей работы, молодой человек, более чем скромна: уточнение датировок некоторых исторических событий, относящихся к периоду правления Третьей династии Ура, после падения Аккадского царства. И если уж нам сильно повезет, очень сильно, может, отыщем город Аккада, но это будет мировым открытием, на это я даже не смею надеяться. Хотя у меня есть некоторые факты, свидетельствующие в пользу того, что город, построенный царем Саргоном, располагался именно здесь, – сказал Бенсон, указывая себе под ноги. – А то, что зарождение современной цивилизации произошло в южной Месопотамии, так это истина, давно уже не требующая доказательств.

Алекс внимательно слушал, весь его вид выражал неподдельный интерес. Последняя его фраза была заранее подготовлена, и реакция Бенсона на нее говорила о том, что роль ему удалась, археолог поверил в то, что перед ним недотепа-журналист.

– Мистер Бенсон, а я могу снимать? – наконец спросил он, вскидывая камеру на плечо.

– Вне всякого сомнения, снимайте все, что вас заинтересует, – радушно разрешил археолог и широким шестом обвел окрестности.

Младович сделал несколько общих планов раскопок и, не отрываясь от камеры, спросил: – У вас уже есть чем похвастаться?

– Вы знаете, подъемного материала немного, практически нет, в данный момент мы проводим мелкое шурфирование и бурение для определения толщины культурного слоя с помощью фосфатного анализа.

– А что это за забор? – наивно спросил Младович, наводя камеру на центральную часть раскопок.

– Это моя неудача. Предполагая довольно значительную глубину культурного слоя, я решил сделать большой шурф до самого материка для составления схемы стратиграфических ярусов, но через несколько метров наткнулись на перекоп, вероятно, древний канал. Произошел обвал. Сейчас даже подходить к этому месту опасно, предполагаю наличие в глубине полостей. Ждем оборудование для проведения сейсмической разведки. Но а сейчас, если вас интересует, могу продемонстрировать первые находки.

– Конечно, интересует, ведь я за этим и приехал, буду очень рад.

– Тогда прошу – Бенсон рукой указал, куда именно следует пройти, и первым направился по указанному им же направлению.

Журналист последовал за ним. Включенная камера оставалась на его плече. Когда они проходили мимо группы арабов, все это время стоявших как изваяния и наблюдавших за происходящим, Бенсон сказал им несколько слов, которых Младович не расслышал, после чего оборванцы продолжили работу. Бенсон свернул за небольшой холм, и тут следовавший за ним Алекс увидел рабочих, вытаскивающих ящики из тентованных «Уралов».

«Ну, наконец-то» – подумал он и незаметно для Бенсона направил камеру на грузовики.

Впрочем, Бенсон, нимало не опасаясь, вел журналиста прямо к машинам. Младовича это обеспокоило. Неужели ему действительно нечего скрывать?

Проходя мимо «Уралов», Бенсон, указав на ящики, на ходу объяснил, это, мол, оборудование для механизации раскопок. Транспортеры грунта, металлоискатели, отбойники и другие приспособления, так необходимые при проведении земляных работ.

Один из ящиков, разбитый, привлек внимание Младовича, он моментально навел на него камеру и сделал максимальный наезд.

– Мистер Бенсон, от какого университета вы работаете, если не секрет, – спросил журналист.

– Это частная инициатива, хотя и под эгидой ЮНЕСКО. Были, конечно, трудности с различными разрешениями и согласованиями, но, слава Аллаху, удалось их преодолеть, – ответил археолог.

Они подошли к одной из хижин. Бенсон уже потянул руку, чтобы открыть дверь, но его остановили звуки неожиданно раздавшихся выстрелов. Бенсон резко обернулся, выстрелы повторились, потом еще и еще, слышались радостные вопли, затем еще несколько коротких очередей.

– Идиоты! – злобно прошептал Бенсон и, забыв про журналиста, почти бегом бросился к месту стрельбы. Младович последовал за археологом, но, поравнявшись с грузовиками и видя, что всем сейчас не до него, подошел к разбитому ящику и крупным планом снял его содержимое. Сунув руку за оторванную доску, достал несколько чипов и микроплат, явно уже бывших в употреблении, на ножках микросхем остались следы припоя.

– Ого, – присвистнул Алекс. – Это наверняка не запчасти транспортера грунта или другого оборудования для механизации земляных работ, как объяснял мне радушный ученый. Все, Бенсон, нашел я твой скелет в шкафу, и к археологии он не имеет ни малейшего отношения.

Однако радоваться было рано, зацепка была, но, что она означала, было пока совершенно неясно. Спрятав находку в нагрудный карман рубашки, Алекс поспешил за Бенсоном, узнать, в чем причина криков и выстрелов.

Когда Алекс подошел к месту стрельбы, глазам его предстала картина, неоднократно описанная в учебниках по психиатрии – массовый психоз со всеми клиническими признаками.

Толпа оборванных арабов бесновалась вокруг какого-то предмета, лежащего на земле. Кто плакал, кто танцевал, кто кричал, причем не что-то конкретное, просто кричал, то есть издавал никак не модулированные очень громкие звуки, и все они от избытка чувств периодически палили в воздух из автоматов. Предмет, из-за которого поднялся такой переполох, оказался серебряным с частично стертой позолотой барельефом Саддама Хусейна. Рабы нашли икону своего бога-тирана и свихнулись от радости. Зрелище было не столько смешным, сколько жалким и грустным.

«Странно, – думал Алекс. – Почему он набрал рабочих из единоверцев Хусейна – суннитов, а не местных жителей, ведь это исконно шиитский район?»

С огромным трудом Бенсону удалось кое-как успокоить темпераментных саддамофилов. Но – поздно: со стороны Сабаха показался мощный столб пыли, означавший, что приближаются гости, наверняка это были военные местного гарнизона, выехавшие на звуки выстрелов.

«Ну вот и кавалерия, сейчас они устроят Хэллоуин», – с досадой подумал Алекс, встреча с соплеменниками никоим образом не входила в его планы.

Приближение гостей заметил и Бенсон, у него эта встреча также не вызывала восторга.

Из-за горизонта появились четыре «Хаммера», три из них были вооружены крупнокалиберными пулеметами, и два бронетранспортера. Не долго думая, они прямо с марша охватили место действия в полукольцо. На едва остановившихся «Хаммерах» зачавкали пулеметы, рассыпая пули над головами арабов.

Бенсон бросился к своим рабочим, приказывая им лечь и не открывать огня, но почитатели Саддама продолжали стоять, оцетинившись автоматными стволами.

Вновь застучали американские пулеметы, на этот раз очередь прошла чуть ниже, многие, наиболее сообразительные, упали на землю. Самые тупые и озлобленные продолжали стоять, среди них был и Алекс. Он, лишь немного присев, продолжал снимать все происходящее на камеру. Пулемет рассыпал еще несколько очередей, и все успокоилось, обошлось без жертв.

Из бронетранспортеров высыпали пехотинцы, окружив арабов. Появился офицер. Бенсон направился было к нему, но один из пехотинцев с помощью приклада «М-16» довольно доходчиво дал понять, что ходить никуда не стоит, если надо – начальство само подойдет, а ваше дело стоять и смирно ждать своей участи. Глаза Бенсона налились кровью, но у него хватило ума не спорить с солдатом, и он, стиснув зубы, молча снес возмутительное поведение американского быдла. Тем более что аргумент у пехотинца был более чем убедительный.

Трое здоровенных морпехов направились в сторону Алекса, продолжавшего все аккуратно фиксировать на пленку. Они остановились в нескольких шагах от него.

– Слышь, недомерок, выключи камеру и давай ее сюда, – потребовал сержант, афроамериканец, который был на добрую голову выше журналиста.

– Господа, обращаю ваше внимание на то, что согласно Женевской конвенции, запрещается вести военные действия против представителей средств массовой информации, – дурашливо проговорил Алекс.

– Ты тут дурачка-то из себя не строй, камеру давай, я сказал, – приказал сержант.

– Мой черный брат, ну зачем тебе моя камера, она с системой интеллектуального управления, ты с ней не справишься. У меня в машине есть баскетбольный мячик, хочешь, я тебе его подарю, это как раз под твой рост и интеллект, – продолжал издеваться над сержантом Алекс, ни на минуту не выключавший камеру.

Он понимал, что добром этот инцидент не закончится, и специально заводил пехотинцев с тем, чтобы у них появилось острое желание дать ему в морду, тогда они не будут стрелять. Ему во что бы то ни стало нужно сохранить кассету, а для этого необходимо было остаться живым и хорошо бы здоровым.

– Не понял, что он говорит? – растерянно спросил сержант, обращаясь к своим товарищам.

– Сдается мне, он обозвал тебя идиотом, Бил, – сказал один из солдат.

– Чего? Ах ты, недоносок аль-джазировский. – И с этими словами Бил бросился на журналиста, пытаясь провести ему прямой в челюсть, очевидно считая, что мордобой не является нарушением Женевской конвенции, а может быть, он просто не являлся ее сторонником.

«Сработало», – обрадованно подумал Алекс.

Нарушитель конвенции был правша, Алекс отклонился вправо буквально на несколько сантиметров, слегка присел, выставив вперед левую ногу и руку, согнутую в локте. Удар пришелся негру в горло, он захрипел и рухнул на колени. Алекс сделал полшага влево и ударил сержанта пяткой в ухо, что вырубил парня окончательно.

– Извини, брат, но насчет мяча я тебя обманул. Нет у меня в машине мяча, извини, – сказал он, глядя на неподвижное тело сержанта. – А впрочем, ближайšie дней десять ты все рано в баскетбол играть не сможешь, так что отдыхай.

Двое других пехотинцев, никак не ожидавших такого поворота событий, наконец пришли в себя и, отчаянно матерясь, дружно бросились на журналиста. Нападавший слева хотел ударить его прикладом в голову, но Алекс немного отвел голову назад, и солдат промахнулся, подставляя лицо под удар. У Алекса было огромное желание ударить парня по зубам, но он пожалел его и вместо этого провел боковой скользящий в подбородок, солдат рухнул, как подкошенный. С третьим было совсем просто: удар ребром ладони по основанию черепа отправил отдыхать и его. Алекс старался проводить щадящие удары, чтобы как можно меньше нанести ущерба здоровью солдат – свои ведь как-никак, хотя и придурки.

Драка, вернее, избиение морпехов, заняло буквально несколько секунд, причем все это мероприятие Алекс провел, не выпуская камеры из рук.

– Ну ладно, парни, отдыхайте, извините, если что не так. Следующий раз с прессой не связывайтесь, пресса – великая сила. – И с этими словами он направился к «Хаммеру», из которого уже вылезал водитель на подмогу своим товарищам.

– Вот какой молодец, сам вышел. А я уж думал, как тебя вытащить, чтоб не особенно память, – сказал Алекс, обращаясь к водителю.

За столь хорошее поведение он не стал бить солдата, просто ловким приемом выбил из его рук «М-16», которая полетела в одну сторону, взял его за шкурку и швырнул в другую, к трем телам его товарищей, уже валявшихся в серо-коричневой вонючей пыли Месопотамии.

Алекс запрыгнул в «Хаммер», завел двигатель, благо водитель не додумался вытащить ключ из замка зажигания, не пришлось ломать рулевую колонку, и автомобиль с журналистом исчез в клубах пыли.

Пулеметчик одного из «Хаммеров» разворачивал турель в сторону быстро удаляющейся машины и изготовился к стрельбе, но офицер диким голосом закричал:

– Отставить! Не стрелять! Ну его к черту, пускай лучше уходит, куда он не денется.

Еще не утих недавний инцидент с ранением итальянской журналистки Джулианы Стрены, и без того натерпевшейся в плену арабских бандитов, стойкий не одного седого волоса президенту и госсекретарю, после которого командование войск коалиции категорически запретило стрелять по прессе.

Возможно, безвинно пролитая кровь Джулианы была пролита не зря, – в данном случае она спасла жизнь Алексу. Неисповедимы пути твои, господи, особенно на войне...

Американцы обыскивали и разоружали арабов, не особенно с ними церемонясь. Суниты не сопротивлялись, но, злобно сверкая глазами, сквозь зубы посылали проклятия солдатам, ни черта не понимавшим по-арабски, но безошибочно улавливающим интонацию и отвечавшим на это короткими ударами и пинками, впрочем, довольно беззлобными.

Офицер военной полиции допрашивал Бенсона, предъявившего кучу бумаг, скрепленных печатями высоких инстанций, включая ЮНЕСКО и другие комитеты ООН. Из предъявленных бумаг следовало, что он имеет полное право проводить в данном районе археологические работы, а университет Северной Каролины уполномочил его произвести еще и экологические исследования с целью объявления данного района зоной экологического бедствия, в связи с бездумным осушением болот. Оружия лично у Бенсона обнаружено не было, к тому же он являлся подданным Ее Величества королевы союзников, и, как ни чесались руки военного полицейского надеть наручники на археолога, он этого не сделал. Бенсон избежал ареста.

О побеге журналиста было сообщено военной полиции и командованию армейской разведки. Разведка рьяно взялась за дело. Выяснить по аккредитации анкетные данные, номер мобильного телефона и место проживания боснийского стрингера было несложно. Не прошло и сорока минут, как на дисплеях компьютеров КПП и блокпостов по всей стране красовалась улыбающаяся физиономия Николо Младовича. Теперь арест журналиста был лишь делом времени. В номере гостиницы «Аль-Рашид», который снимал Младович, был произведен обыск, но ничего противозаконного, кроме грязных носков и недоеденного сэндвича, к досаде контрразведчиков, обнаружено не было.

Глава 7

Ирак, Багдад, городская окраина

По одной из небольших улиц района Ад-Дауран, расположенного на южной окраине Багдада, медленно двигался автомобиль-пеленгатор армейской разведки сил коалиции с несколькими высокочувствительными антеннами на крыше.

Только начинавшее всходить солнце красило убогие домишки с традиционно плоскими крышами розовым цветом. В столь ранний час улицы были пустынные: ни прохожих, ни машин, только собаки озабоченно бегали с опущенными вниз носами в поисках чего-нибудь съестного.

Пятеро невыспавшихся военных, сидя в тесном фургоне, костерили Младовича на чем свет стоит, их подняли среди ночи – обнаружился мобильник журналиста. Звонок был сделан из этого района. И вот они уже третий час бессмысленно катаются по указанному району, безуспешно пытаясь засечь сигнал телефона стрингера.

– Ну, куда теперь, Стен? – спросил водитель, полуобернувшись внутрь фургона и обращаясь к парню, сидевшему в окружении сразу нескольких мониторов.

– А хрен его знает, куда. Давай пока прямо... до конца улицы, а потом посмотрим, – ответил Стен, потерявший всякую надежду на успех.

Маленький откидной столик рядом с монитором был сплошь уставлен пластиковыми стаканами с уже остывшим кофе. Стен взял один из них, снял крышку и уже поднес стакан к губам, когда на дисплее появился слабый сигнал. Наконец-то! Он поставил стакан, и его пальцы быстро забегали по клавиатуре. Слабо загудели сервоприводы антенн, приводящие их в движение, на мониторах замелькали цифры и графики. Дорогостоящая электроника, которой под завязку был набит фургон, силилась определить направление исчезающего слабого сигнала.

– Есть, Джек! Поймал! – крикнул он, не отрывая взгляда от дисплея. – Что там впереди?

– Пока ничего, – ответил водитель.

– Давай, давай вперед. Сигнал усиливается, он где-то перед нами.

– Даю, – отвечал Джек, прибавляя скорость.

Впереди показался ехавший навстречу старенький «Москвич». Сам автомобиль был какого-то дико-оранжевого цвета, но передние и задние крылья были черные. Такие машины в Багдаде можно было встретить на каждом шагу, особенно в бедных районах. Поначалу военные даже не обратили на него внимания. «Москвичонок», натужно ревя слабеньким движком, тащил за собой невероятно длинный, сколоченный из фанеры, самодельный фургон.

Когда «звезда» советского автопрома, нещадно гремя всем своим железным нутром, поравнялась с пеленгатором, сигнал на дисплее вырос до максимума. При удалении «Москвича» сигнал стал ослабевать. Есть!

– Джек, стой! Это он! – в радостном возбуждении крикнул Стен водителю.

Тот со всей дури нажал на тормоз, открытый стакан кофе опрокинулся прямо на колени Стену, слава богу, напиток был практически холодный.

– Ты что делаешь, идиот! – заорал он, стряхивая жидкость с колен.

– Ты же сам сказал, стой, – ответил водитель.

– Стой, ну не так же. Тебя где водить учили? На Брайтоне, что ли? Разворачивай давай.

Джек развернул фургон и стал быстро нагонять еле двигавшийся «Москвич».

– Подрежь его! – командовал Стен, уже сообщивший командованию об обнаружении журналиста. – А вы, ребята, будьте осторожнее, этот парень очень опасен. Говорят, он одной левой вырубил четверых наших морпехов, а они не дети, – проговорил он, обращаясь к трем солдатам, все это время сидевшим молча.

– Да ладно, тоже мне Брюс Ли нашелся, – самонадеянно сказал один из них.

– Ну, смотрите, парни, вам жить. Мое дело предупредить. Кстати, сейчас подкрепление прибывает.

Джек обогнал «Москвич» и, проехав еще несколько метров, резко крутанул руль вправо, подрезая автомобиль. Обе машины остановились.

Выскочившие солдаты в мгновение ока вытащили маленького, насмерть перепуганного араба из-за руля и уткнули его лицом в круглый горячий капот, обыскали. Заглянули внутрь машины, там никого не было.

Было совершенно ясно, что Младович прячется в самодельном фанерном фургоне. Солдаты окружили фургон, и один из них резко открыл заднюю дверцу, едва не сорвав ее с хлипких петель. Несколько стволов «М-16» просунулись в дверцу. Но каково же было разочарование военных, когда они заглянули внутрь фургона – он до отказа был набит кудахтающими курами. Никакого журналиста в фургоне не было и в помине, но зато в курином помете поблескивал телефон.

Пока осматривали машину и копались в куриных экскрементах, доставая телефон, со всех сторон начало прибывать подкрепление. Армейские «Хаммеры» запрудили весь квартал. Возмущенные нарушенным спокойствием собаки с диким лаем носились вокруг солдат, норовя зубами испортить казенное обмундирование. Суматоха поднялась невероятная.

Алекс, прекрасно знакомый с методами армейской разведки, издевался над ней, пуская по ложному следу.

На этот раз американцы не ударили лицом в грязь, они ударили в куриный помет.

Глава 8

Россия, Москва, Центр

Альберт Филозович Стремоухов вошел в свой рабочий кабинет в здании МИДа и едва успел положить портфель на стол, как огромные напольные часы пробили половину двенадцатого. Да, здорово он сегодня задержался. Решение личных финансовых проблем отняло гораздо больше времени, чем он ожидал, и решать их в последнее время становилось все труднее и труднее. Но ничего, он выпутается. Если все пойдет хорошо, то в скором времени проблем с деньгами у него не будет.

А начало всем проблемам было положено на одной из многочисленных презентаций, которые Альберт Филозович, что греха таить, посещал часто и с удовольствием. Его познакомили с Викой, и он влюбился. Даже еще хуже, он полюбил – полюбил сразу, бесповоротно, как мальчишка, как в омут, беззаветно, но, как оказалось, не безнадежно. Любовь захлестнула его, увлекла, наполнила жизнь каким-то новым смыслом, и хотя он помолодел лет на двадцать, однако разница в возрасте с его избранницей продолжала оставаться значительной.

Как довольно скоро выяснилось, для женатого человека любовь несла не только радости, но и проблемы. Мало того, что внебрачные связи, мягко говоря, традиционно не поощрялись заведением, в котором служил Альберт Филозович, так он был еще и женат – женат давно и безысходно. Жену свою, Марию Викторовну, он в молодости, может быть, даже любил, хотя и тогда и теперь она была для него залогом карьерного роста и источником благосостояния. Как были в свое время жены-еврейки средством передвижения, так и Мария Викторовна была для Альберта Филозовича своеобразным лифтом в мидовской высотке, а двигателем этого лифта был тесть – Виктор Андреевич, бывший работник ЦК, сумевший и в этой жизни найти свое место. Эдакий серый кардинал, фамилию которого всуе не называли, человек без должности, но пользовавшийся в Москве огромным влиянием. Так что расстаться с женой не было никакой возможности, это значило потерять все. Да уж, если совсем честно, то и желания-то не было. Даже в свои годы Мария оставалась довольно привлекательной женщиной – умной, тонкой, прекрасно образованной, без тени сварливости или занудства. К тому же двадцать лет совместной жизни просто так со счетов не сбросишь, дети опять же. Налаженную, устоявшуюся и такую удобную во всех отношениях жизнь перекраивать желания не было, но любви хотелось страстно.

Альберт, стоя у огромного окна, начинавшегося практически у самого пола и заканчивающегося где-то под потолком, глядя на раскинувшуюся перед ним Москву, ослабил галстук и попытался переключить свои мысли на работу. Работы было много, и вся она была срочной.

Первым делом он принялся за изучение деловой переписки с Российским посольством в Ираке, посчитав это наиболее важным в данный момент. Документов было, на удивление, мало, в связи с подозрениями на утечку информации доступ к ней строго регламентировался. Альберта в данный момент интересовала в основном деятельность Сергея Круглова, но из того немного, что попало к нему в руки, общей картины положения агента не складывалось. В основном это были малоинтересные документы, связанные с «Госнефтью», которая была лишь прикрытием основной работы Сергея. Совершенно непонятно было, выполняется ли обещанноекрытие агента, и если выполняется, то кем и как. Излишняя секретность раздражала Альберта, он не любил и не умел играть втемную. Он бросил бесполезную папку на стол и задумался.

Его раздумья прервал телефонный звонок. Звонил Георгий Давыдович Сванидзе.

– Здравствуй, дорогой, зайди ко мне, пожалуйста, на минуточку. Очень тебя прошу! – сказал Сванидзе с легким грузинским акцентом, явно нарочитым, так как по-русски Георгий Давыдович говорил абсолютно чисто.

Звонивший не был прямым начальником Альберта, он вообще не был ему официальным начальником, и тем не менее, услышав этот хорошо знакомый голос, Альберт внутренне весь собрался. Георгий Давыдович был больше чем начальник, он был кем-то вроде куратора.

– По какому вопросу, если не секрет, – после приветствия спросил Альберт Филозович.

– Приходи, я тебе все здесь объясню, – пообещал Сванидзе и повесил трубку.

Этот звонок был как нельзя кстати, буквально минуту назад Альберт искал предлог для встречи со Сванидзе, надеясь хотя бы у него выудить информацию по Круглову, и надо же – такая удача. Он не сомневался, что разговор пойдет именно о Круглове, и, выходя из кабинета, взял с собой документы, которые только что изучал.

Кабинет Сванидзе был в этом же крыле, но двумя этажами ниже. Спускаться – не подниматься. Альберт преодолел мраморные лестничные марши пешком и минут через десять после звонка явился в кабинет Георгия Давыдовича. Тот радушно встретил его, усадил в кресло, велел секретарше принести чай. Пока та выполняла просьбу шефа, он расспросил Альберта о здоровье, о семье, о детях. Когда стаканы в старорежимных серебряных подстаканниках с дымящимся ароматным чаем наконец появились на столике, расположенном между двух высоких кожаных кресел, в которых устроились мужчины, Сванидзе начал разговор по существу.

– Скажи мне, Альберт, ты в свое время занимался изучением ооновской программы «Продовольствие – в обмен на нефть»?

– Да, но!.. – недоуменно поднял брови дипломат, крайне удивленный вопросом, поскольку был абсолютно уверен в том, что речь пойдет о теперешних делах в Багдаде, а не о давнишней и малоинтересной, на его взгляд, программе, начало которой было положено еще при Хусейне.

– И материалы у тебя сохранились? – продолжал между тем Сванидзе.

– Ну конечно, Георгий Давыдович. Только я не понимаю, к чему все это, программа давно похоронена и забыта.

– А вот тут ты заблуждаешься, дорогой, заблуждаешься. Ничего не похоронено и не забыто. Сейчас появился новый виток интереса к этой программе.

– В каком контексте интересуется вас программа? Это я к тому, какие именно документы мне готовить, – уточнил Альберт Филозович.

– Точно пока сам не знаю. Во всяком случае, крайне интересна цепочка сбыта. Посредники, оптовики... Ведь на рынок нефть выбрасывали не прямые покупатели. Разница в ценах... Причем интересуют как абсолютные, так и относительные цифры, особенно относительные. Кто мог являться посредником, техника проведения операций и перевода денег, часть из которых, и наверняка немалая, была наличной. В общем, все.

– Хорошо, Георгий Давыдович, в ближайшее время подготовлю, – ответил Альберт Филозович.

– Подготовь, дорогой, подготовь, дело не то что очень срочное, но и тянуть не стоит.

Они еще какое-то время поговорили по этой теме, затем Альберт попытался перевести беседу в интересующее его русло, на Круглова, но Сванидзе разговор не поддержал. Хотя довольно уклончиво сказал, что определенные действия по прикрытию агента проводятся и в критическом случае ему будет оказана необходимая поддержка. Кем и каким образом будет организованокрытие, Альберт Филозович так и не выяснил – хитрый грузин отделался общими фразами, впрочем, это было на него похоже. Но и на том спасибо, все жекрытие будет.

На этой неопределенной ноте мужчины попрощались, и Альберт Филозович направился по мраморным лестничным маршам в свой кабинет, чтобы вернуться к прерванной работе.

Глава 9

Ирак, Багдад, «Зеленая зона»

Николо Младович появился у здания, в котором располагался корпункт CNN, в больших темных очках и бейсболке, надвинутой на глаза. Не бог весть какая маскировка, но все-таки верхняя часть лица была надежно скрыта. В руке у Николо был небольшой пакет.

К легенде стрингера он подготовился основательно, его память надежно хранила множество имен, должностей, номеров телефонов основных деятелей медийных агентств, аккредитованных в Багдаде.

У входа в корпункт было припарковано несколько автомобилей сотрудников редакции, но светло-салатного цвета «Мерседеса» Чарли Антониони среди них не было. Антониони в данный момент замещал шефа отдела новостей багдадского отделения CNN Стивена Ричардсона, несколько дней назад уехавшего в двухнедельный отпуск в Штаты. Антониони был низкорослым пухлым итальянцем с темными вьющимися волосами и огромными блестящими залысинами над высоким лбом. Его-то и поджидал Николо.

Болтаться у входа в корпункт не стоило, и Младович, перейдя улицу, уселся за столик полуоткрытого кафе, которые в последнее время стали появляться в Багдаде. Он заказал кофе, готовившийся тут же на разогретом песке в высоких металлических джезвах. В кафе аппетитно пахло жареным мясом, свежим кофе и какими-то специями. Николо вспомнил, что со вчерашнего дня у него и маковой росинки во рту не было. Подозвав официанта, довольно сносно говорившего по-английски, который оказался владельцем этого заведения, он заказал еще и курицу. Обрадованный хозяин, ни на секунду не переставая улыбаться, моментально выполнил заказ, заломив при этом такую цену, что у выдавшего виды стрингера от такой наглости араба глаза под очками полезли на лоб, правда, после небольшого торга цена упала более чем втрое.

Курицу подали на большом керамическом блюде, на нем же лежала неопределенного цвета лепешка, которую Николо на всякий случай решил не трогать, в отдельной чаше принесли густой соус. Хозяин, назвавшийся Джабиром, предупредил, что соус – его собственное изобретение, и остроты ему не занимать. Последнее замечание Николо пропустил мимо ушей, а зря. После того как он отправил в рот кусок белого мяса, предварительно обильно полив его соусом, ему показалось, что в рот ему влили расплавленный свинец, из глаз градом хлынули слезы, дышать стало нечем. Он замахал руками, подзывая хозяина, но тот уже все понял и бежал к клиенту со стаканом холодной воды в руке и довольной усмешкой на лице. Он остался крайне доволен эффектом, произведенным его кулинарным творением. Кое-как отдышавшись, стрингер продолжил свой ленч, к соусу он больше не прикасался – курица и так была довольно неплоха, разве что немного пережарена.

«Мерседес» Антониони появился у входа в корпункт, когда Николо допивал кофе. Из резко остановившейся машины выкатился маленький итальянец. В руках у него были какие-то пакеты, свертки, и все это падало, рассыпалось, он ругался, стараясь удержать все в руках, которых явно не хватало. В конце концов он захлопнул ногой дверь машины и засеменял короткими ножками к зданию редакции. Ни дать ни взять – Дени де Вито из «Близнецов». Было такое ощущение, что сейчас следом за итальянцем появится губернатор Калифорнии в клетчатом пиджаке и шортах. Николо улыбнулся, представляя эту картину. Подождав еще минут десять, он решил, что пора, и достал сотовый телефон, купленный им на одном из рынков бандитского района Саддам-сити, скорее всего краденый. На этом рынке при определенном умении можно было купить практически все, начиная от презервативов и кончая ручным гранатометом, но посещать этот район было крайне опасно.

Николо вышел из кафе и направился на противоположную сторону улицы к припаркованному светло-салатному «Мерседесу», на ходу набирая номер служебного телефона Антониони. Проходя мимо машины, он ловким движением бросил в приоткрытое окошко пакет, находившийся у него в руках.

– Да! – раздраженно отозвался сотовый телефон голосом Антониони.

– Мистер Антониони? – удостоверился Николо.

– Да, да! Это мистер Антониони! Он самый. А вы кто?

– Я могу представиться, но боюсь, мое имя вам ничего не скажет, мистер Антониони, – ответил Николо. – Но у меня есть для вас некая информация, которая вас наверняка заинтересует.

– Все понятно. У вас есть информация, которую вы хотите передать мне, а взамен получить кучу зеленых, причем наличными и вперед. Я прав?

– Не совсем, мистер Антониони. Конечно, информация не бесплатная, это вы уже поняли, но предоплата вовсе не обязательна. Когда вы ее увидите, думаю, сами захотите мне заплатить, тем более, думаю, что она у меня не последняя.

– Даже так! Ну что ж, вы меня заинтриговали. Когда и где я могу ее получить? – голос в трубке стал менее раздраженным.

– Она уже у вас. Это видеокассета, и она находится на правом переднем сиденье вашего «Мерседеса». Посмотрев ее, вы все поймете.

– Как она туда попала? Кто вы? Как мне потом с вами связаться? Почему я вам должен верить? А вдруг это бомба? – зачастил итальянец.

«Да кому ты нужен», – подумал Николо, но вслух сказал:

– А я не прошу вас мне верить. Если сомневаетесь, вызовите саперов, и связываться со мной не надо, я сам вас найду, мне же надо получить свой гонорар. И мой вам совет: не оставляйте машину открытой.

Николо нажал на отбой и зашагал по улице, не теряя из вида «Мерседес» итальянца. Не прошло и пяти минут, как на ступеньках корпункта появился Антониони. Он с опаской подошел к своей машине, открыл водительскую дверь и долго смотрел внутрь салона, раздумывая, садиться ли. Антониони явно опасался бомбы и, надо сказать, небезосновательно, такие случаи в Багдаде не были редкостью.

Наконец профессиональное любопытство пересилило страх, и он сел на водительское место. Некоторое время он, вероятно, рассматривал сверток, затем взял его и, убедившись, что там действительно кассета, а не кусок пластида, вскочив с кресла, почти бегом направился к зданию. Машину он опять оставил открытой.

Николо улыбнулся такой трусоватой беззаботности заместителя шефа отдела новостей и направился к перекрестку, где находилось что-то вроде стоянки такси. Телефон, купленный только для одного звонка, и который теперь был уже сделан, он отключил и бросил в одну из редко расставленных мусорных урн.

Младович сел только в четвертое такси, и не потому, что он опасался слежки или придерживался элементарных правил разведчика не садиться в первое такси, а лучше и во второе, а лишь из-за того, что первые три машины были такие развалюхи, что он засомневался, доедут ли они до следующего перекрестка. Четвертой оказалась довольно приличная «Тойота», на заднее сиденье которой и уселся Николо.

Разговором с Антониони он остался доволен – итальянец клюнул. Если успеют смонтировать, то его операторским искусством можно будет полюбоваться уже сегодня во время вечерних новостей CNN.

Таксисту Алекс по-арабски назвал малоизвестную улочку в районе Аль-Джахид и пообещал ему пятьдесят долларов, если тот довезет его до места, минуя КПП на выезде из «Зеленой зоны». Лицо таксиста растянулось в радостной улыбке, он согласно закивал – за такие деньги

араб был готов отвезти Алекса куда угодно и миновать что угодно. «Тойота» резко стартовала с места, оставляя две черные полосы на асфальте.

Но арабу не повезло, не дал Аллах заработать ему эти пятьдесят долларов – через два квартала они попали в пробку. Ни вперед, ни назад. Вероятно, впереди что-то произошло. На тротуаре стояли «Хаммеры» военной полиции, квартал был наводнен солдатами в касках с латинскими буквами «MP». Один из них, проходя мимо, как-то слишком пристально посмотрел в лицо Алексу и взялся за рацию, висевшую у него на плече. По этому взгляду и жесту Алекс совершенно ясно понял, что не повезло не только арабу-таксисту, но и ему: полицейский узнал в нем разыскиваемого журналиста – драчуна и угонщика армейской техники.

Буквально через несколько секунд «Тойоту» окружили полицейские и потребовали у него документы, а заодно и у водителя, моментально забывшего о незаработанных долларах и мечтавшего только об одном: унести бы ноги подобру-поздорову.

Алекс, одобрительно глядя на солдат, подумал: «Хорошо работают ребята», после чего предъявил удостоверение «Аль-Джазире». Когда полицейские увидели его документы, до него донеслось несколько приглушенных фраз, в которых слово «fuck» использовалось и как глагол, и как прилагательное, военные явно не были почитателями этой медийной компании. На этот раз Николо-Алекс решил обойтись без мордобоя, хватит с него морпехов, и мирно отдался в руки правосудия – пусть хотя бы и военного. Для порядка он, конечно, покричал о Женевской конвенции, о неприкосновенности прессы, о свободе слова, но в конце концов позволил себя арестовать. Его обыскали, надели наручники и препроводили в один из «Хаммеров». Процессия машин, поколесив по городу, выехала на автостраду Аль-Квадиши. Эта трасса являлась восточным выездом из города и вела только в два места: международный аэропорт и район Абу-Грейб, где располагалась с некоторых пор печально известная всему миру одноименная тюрьма. Везли его, конечно, не в аэропорт.

Глава 10

Ирак, Багдад

С самого утра у Сергея раскалывалась голова, но времени заняться своим здоровьем в первой половине дня не было. Наконец, ближе к полудню, суета в посольстве кое-как улеглась. Он отправился в свою комнату и прилег на небольшой диванчик. После нескольких дыхательных упражнений и массажа активных точек на внешней стороне ладони между указательным и большим пальцами боль утихла, но совсем не прошла.

Сергей сварил кофе и расположился с чашкой в кресле перед телевизором. Он щелкал каналы один за другим, изображение было идеальным, наконец-то начальство раскошело и им установили нормальную «тарелку» и для бытового пользования.

Перебрав с десяток каналов, Сергей остановился на повторе вечерних новостей CNN, вчера он не успел их посмотреть. Ничего нового и интересного, сплошное пережевывание старой жвачки. Он уже отвернулся от телевизора и потянулся за книгой, как его внимание привлекли слова диктора, говорившего что-то о Месопотамии. Сергей взглянул на экран, с которого на него смотрел говоривший что-то человек. Лицо его показалось Сергею до боли знакомым...

– Господи! Да это же Бенсон! – воскликнул он.

На экране мелькали кадры археологических раскопок, российские «Уралы», из которых доставали какие-то деревянные ящики, грязные лица оборванных, но вооруженных арабов – вероятно, рабочих. Вот один из ящиков падает, обнажая содержимое, камера делает наезд, и на экране крупным планом появляются электронные микроплаты высокой плотности набивки. Кадры, демонстрирующие радиоэлектронику, продержались несколько секунд и сменились рекламой новой собачьей еды. Вопреки ожиданиям крайне заинтересованного Сергея, после рекламного блока пошел другой сюжет.

«Что же это за археология такая у вас, мистер Бенсон, с „калашами“ и сверхнавороченной электроникой», – подумал Сергей.

Его вдруг охватил охотничий азарт, он чувствовал, что ухватился за ниточку, пускай пока еще тоненькую и почти невесомую. Наверное, похожие чувства испытывает борзая, наконец-то напавшая на след зайца. Остатки головной боли бесследно растворились в нахлынувшей адреналиновой волне.

Жаль, что не удалось посмотреть репортаж полностью. Картинка с микроплатами засела в памяти, где-то что-то подобное он уже видел. Но где? Показать бы это все специалисту, но название места он пропустил, а название это явно звучало. Стоп! В операторской наверняка велась запись, новости они всегда пишут. Он позвонил в радиооператорскую.

– Валя? Привет, это Круглов. Слушай, вы CNN сейчас пишете? Во, как хорошо! А касетку мне дашь? Да, мне там кое-что проверить надо. Отлично, спасибо. Чего?! Какой литр... Это за какой прошлый раз?.. Да ты там не охренел ли, Валя, в своем подвале... Ну ладно, ладно, не ори. Литр так литр, но выпьем вместе... Давай... Давай вечером. Нет, лучше у меня, у меня поспокойней будет. Ну все, пока.

Затем он позвонил в научно-технический отдел с просьбой, если есть такая возможность, – а она есть, Сергей это точно знал, – проанализировать телевизионную запись, которую он сейчас принесет. Получив положительный ответ, он забрал уже приготовленную кассету у Валентина и отнес ее специалистам.

Специалисты оцифровали запись, проанализировали с помощью компьютерных программ и выяснили некоторые довольно интересные вещи. Оказалось, что чипы на микроплатах явно военного производства – скорее всего применяемые в ракетостроении. По изображе-

нию ничего точнее выяснить не удалось. Неплохо было бы получить образец, но и этого было достаточно, чтобы обратить более пристальное внимание на археологов и на место проведения раскопок. Выяснилось и примерное место проведения археологических работ, берег Евфрата в районе городка Сабах, расположенного примерно в трехстах километрах к юго-востоку от Багдада.

Оцифрованную телевизионную запись репортажа он перебрал на винчестер своего ноутбука. Затем отправился к начальнику режимной части договориться о машине и соответствующих документах, необходимых для поездки. Решение ехать к месту событий пришло к нему сразу же, как только он увидел загорелое лицо Бенсона на экране. В целесообразности поездки у Сергея не было ни малейших сомнений. Осмотреть это место нужно обязательно, вдруг еще что попадется. И еще одну цель преследовал Сергей, собираясь в Сабах, хотел он проверить свои догадки относительно «крота». И, если он окажется прав, чего бы очень не хотелось, поездка может оказаться очень опасной.

Начальник режимной части посольства Иван Кузьмич Заболотный выслушал Сергея внимательно, молча глядя на него поверх очков. Затем, так же не говоря ни слова, встал из кресла, достал подробную карту Ирака и расстелил ее на столе.

– Так, куда? – коротко спросил он.

Сергей ткнул пальцем в район Басры.

– Хорошо. Басра так Басра. Значит, на нефтяные терминалы, как я понимаю. Когда собираешься ехать?

– Сейчас, Иван Кузьмич, сейчас, время дорого, – горячо проговорил Сергей.

– Неразумно, Сережа. Не лучше ли завтра утром, на двух машинах с охраной. Путь-то неблизкий, – попытался вразумить его Иван Кузьмич.

– Нет, Иван Кузьмич, не лучше. Уже сейчас может быть поздно... Посоветуй лучше, кого из водителей взять, чтоб поопытней. Поедем сегодня на одной машине и без охраны, не надо лишней рисовки.

– Ну что ж, вольному воля, – после небольшой паузы произнес Иван Кузьмич. – Тогда возьми Лешу Смятского. Водитель он отменный, в тех местах бывал не раз. В случае чего и за охрану сойдет, он из ВДВ к нам пришел, воевал. Машину возьмете новую, «Лендкрузер», ну тот, серебристый, помнишь.

– Новый «Лендкрузер»? А не жалко Иван Кузьмич? – зная прижимистость Заболотного, с улыбкой спросил Сергей.

– Жалко, а что поделаешь. Ты ж сам сказал, что время дорого. На «Дефендере» вы будете туда до вечера тарахтеть, – со вздохом ответил начальник режимной части.

– Ну, спасибо, Иван Кузьмич. Так когда можно будет выезжать?

– Думаю, часа мне вполне хватит. Ты иди, собирайся, как будет все готово, я тебе позвоню.

Пока в посольском гараже «Лендкрузер» готовили к поездке, а Заболотный утрясал формальности, Сергей нашел Смятского и обсудил с ним предстоящий маршрут. Хотя и обсуждать-то было практически нечего, дорога в тот район была одна – километров триста по шоссе до Ан-Насирия, затем на левый берег Евфрата, а потом по левобережью, усыпанному мелкими речушками, скорее всего пересохшими, совсем без дорог, километров 90 на восток до городка Сабах.

Иван Кузьмич не обманул, не прошло и часа, как он позвонил Сергею и сообщил, что документы для поездки и машина уже готовы, можно отправляться в путь. Начальник режимной части был старым опытным службистом, за этот час он успел не только подготовить документы и утрясти все формальности, но и отправить шифрограмму, которой он уведомлял свое московское начальство о предстоящей поездке Сергея в Басру. Сергей также, согласно инструкциям, проинформировал своего куратора в МИДе о цели, месте и времени предстоя-

щей поездки. Место назначения он описал подробно, со ссылкой на соответствующий репортаж CNN.

Ворота российского посольства распахнулись, Алексей Смятский поставил рукоятку переключения передач в положение «D», и серебристый джип с дипломатическими номерами покати к южным окраинам Багдада, в сторону выезда на Карбалу.

Глава 11

Ирак, Тюрьма Абу-Грейб

Сам вид тюрьмы Абу-Грейб, находившейся километрах в двадцати к востоку от Багдада, внушал какой-то безотчетный, животный страх. Этим страхом здесь было пропитано все: высокие каменные заборы неопределенного серо-желтого цвета, напоминавшие крепостные стены, с мотками колючей проволоки наверху, застекленные сторожевые вышки, огромные ворота, впускавшие тысячи, выпускающие единицы. Сама земля, казалось, источала флюиды страха. Человек, ставший узником Абу-Грейба, переставал быть человеком в полном смысле этого слова. Он превращался в скотину, в отбросы, в ничтожество менее ценное даже той пыли, по которой он ступал. И свою малозначимость, исчезающе малую величину ценности своей жизни он начинал ощущать кожей с первых секунд пребывания на этой проклятой земле, сразу же, как за ним захлопывались тюремные ворота. Конечно, так было при Саддаме, теперь многое изменилось. И хотя пятизвездочным отелем Абу-Грейб не стала, но те издевательства над иракцами, свидетелями которых стал весь мир благодаря видеозаписям, сделанным самими же садистами, были исключением, а не правилом. К тому же в сравнении с тем, что творилось здесь при Хусейне, выглядели они просто невинными шутками невоспитанных детей. Но ореол иррационального, какого-то паранормального страха продолжал витать над этим местом, и поделаться с этим ничего было нельзя.

Даже Алекс, ступив на тюремную землю, несмотря на железные нервы и отчетливое понимание того, что у него-то найдется выход, что это все же свои, тоже почувствовал этот неприятный холодок на спине и металлический привкус во рту – вкус страха.

Как только его ввели в тюремное здание, в нос ударил запах, не поддающийся описанию, ни на что не похожий, по силе и композиции резко отличавшийся от запаха американских тюрем. А поверх этого «Абу-Грейб парфюм», как сразу про себя окрестил его Алекс, плавала невероятная смесь крепких дезодорантов охранников.

Его долго вели по коридорам, лязгали замки открывающихся и закрывающихся решетчатых дверей, раздавались короткие команды «стоять», «пошел», навстречу изредка попадались охранники с откормленными рослыми овчарками на поводках.

Наконец его привели в длинное, узкое помещение, посреди которого стоял такой же длинный и узкий стол, чем-то походивший на барную стойку, и один из охранников приказал Алексу раздеться. После того как стрингер разделся догола, ему жестом и легким, беззлобным тычком резиновой дубинки в бок было предложено пройти в соседнюю комнату, оказавшуюся, как и предполагал Алекс, душем, где он с удовольствием помылся.

При выходе из душа ему вернули одежду и обувь. Содержимое карманов и брючный ремень отобрали. Часы тоже. Молчаливые охранники терпеливо ждали, пока Алекс оденется, а затем препроводили его в довольно сносную одиночную камеру в северной части тюремного комплекса.

Не успел арестованный как следует оглядеть свое новое жилище, как входная дверь распахнулась, и в камеру вошли двое. Первый – высокий негр с явно перекачанными мышцами, резиновой дубинкой в руках и ничего не выражающим широким лицом, оставшийся у двери, другой – щуплый белый офицер, судя по нашивкам, капитан армейской разведки, сразу усевшийся за маленький столик. Лицо у офицера было вытянутое, с близко посаженными блекло-голубыми глазами и длинным острым носом. Как неоднократно убеждался Алекс, это был основной физиономический признак злобности и паскудности характера. Оба военных не вызывали у него ни малейшей симпатии, скорее наоборот.

– Прошу вас, господа, проходите, располагайтесь. Прошу прощения, но из-за скудности содержимого моего бара не могу предложить ничего выпить, – начал ерничать Алекс, мгновенно выбрав линию поведения.

– Заткнись... ублюдок, – прорычал негр.

– Очень приятно! А меня зовут Николо Младович. У вас несколько странное имя, но для военных оно, наверное, не особенно оригинально, – продолжал рискованно шутить Алекс.

Негр, сверкнув глазами, сделал шаг от дверей по направлению к арестованному, красноречиво поигрывая дубинкой, его намерение настучать стрингеру по голове не вызывало сомнений.

– Успокойся, Смит. Ты же видишь, он специально тебя заводит. Ну, ничего, сейчас ему станет не до шуток, – остановил охранника капитан.

– Садись, – произнес капитан, не глядя на Алекса, но обращаясь к нему.

Алекс продолжал стоять, будто не слыша капитана.

– Ты сам сядешь, или мне попросить Смита помочь тебе? Поверь мне, он сделает это с превеликим удовольствием, – вновь заговорил капитан, уже глядя арестованному прямо в глаза.

– Ах, это вы мне? Я-то подумал, что вы предлагаете сесть вашему интеллектуальному коллеге. Извините, – и с этими словами Алекс жеманно опустился на краешек стула и с очаровательной улыбкой посмотрел на Смита.

Желваки на лице негра ходили ходуном, он сдерживался из последних сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.